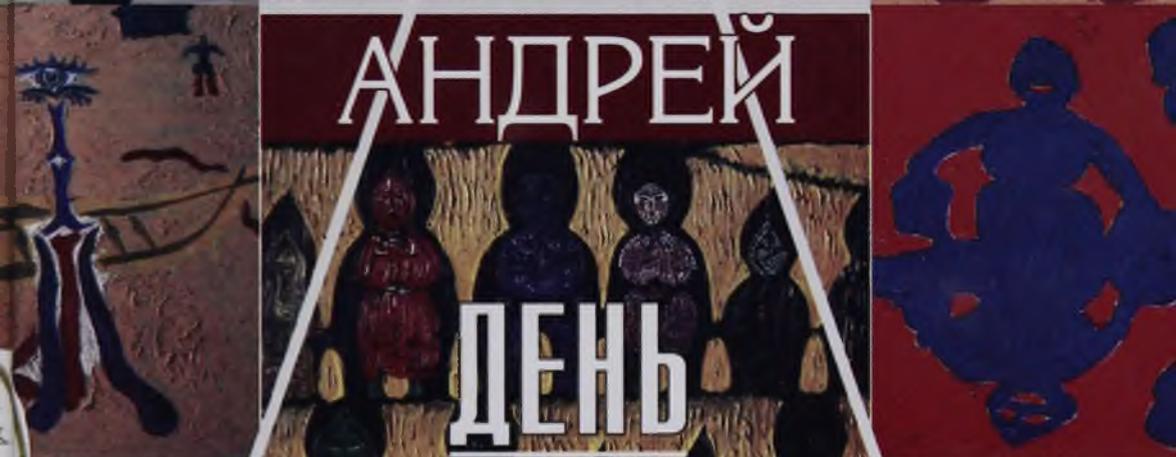

84(2 Рос=Манс)6

К Т 22

АНДРЕЙ

ДЕНЬ
БОРЕНЬЯ

ТАРХАНОВ

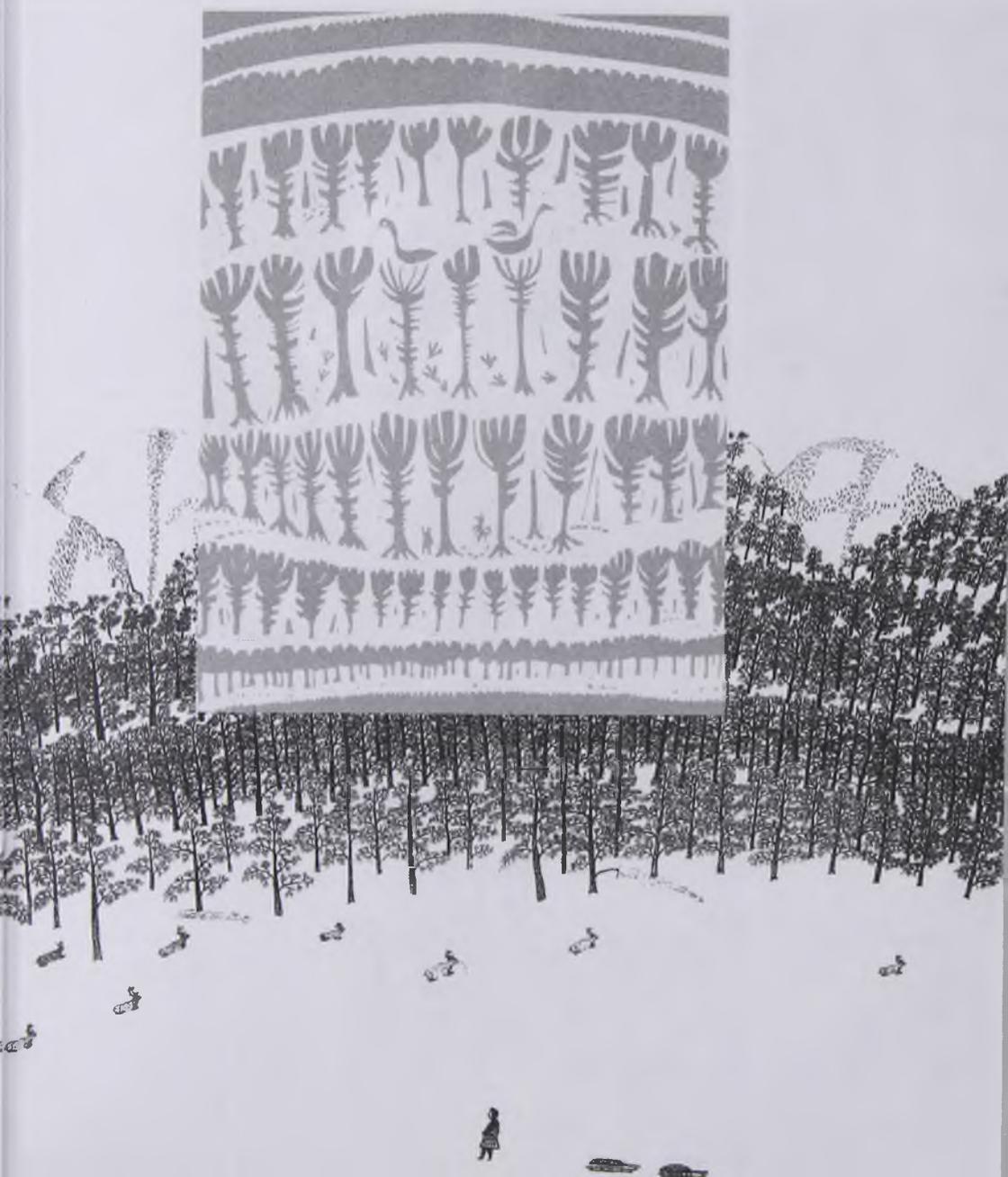

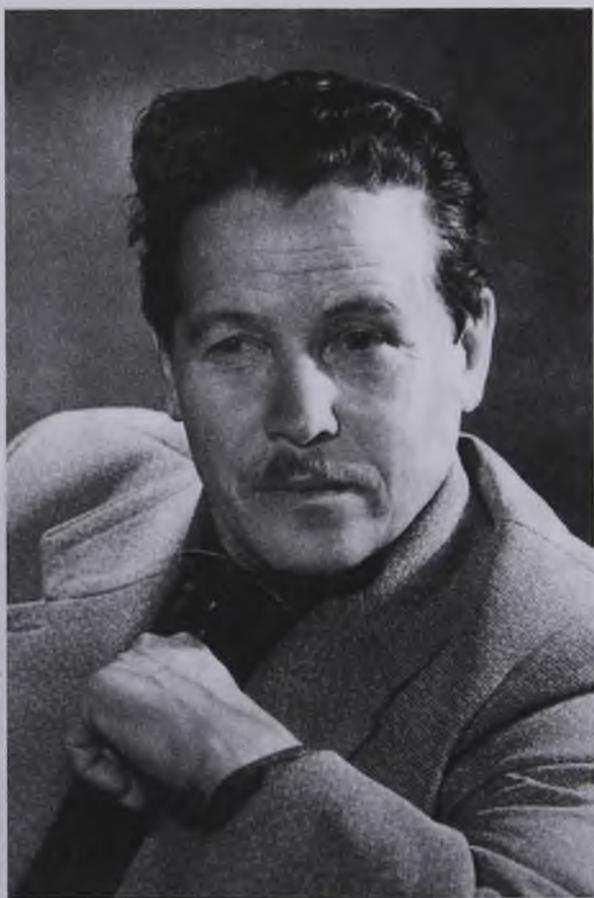

АНДРЕЙ ТАРХАНОВ
ДЕНЬ БОРЕНЬЯ

А. Т. Напех

А Н Д Р Е Й

Д Е Н Ъ

Стихи,
поэмы

БОРЕНЬЯ

ТАРХАНОВ

Екатеринбург
Средне-Уральское
книжное издательство
2005

-086771-

Государственная
библиотека
Югры

03

Государственная
библиотека
Югры

КО

Близок волнующий момент в моей житейской
и творческой судьбе –

13 октября 2006 года я встречу свое 70-летие.

Первый подарок к этому знаменательному событию –
выход в свет поэтической книги «День боренья».

Я выражаю сердечную благодарность
губернатору ХМАО А.В. Филипенко,
правительству Югорского края,
департаменту по вопросам малочисленных народов Севера,
оказавшим всемерную помощь
в издании этой юбилейной книги.

Кланяйтесь,
люди, поэтам и творцам земным —
они были,
есть и останутся нашим небом,
воздухом, твердью нашей под ногами,
нашей надеждой и упованием.
Без поэтов, без музыки, без
художников
и созидателей земля давно бы оглохла,
ослепла, рассыпалась и погибла.
Берегите, жалейте и любите, земляне,
тех избранников,
которые даны вам природой
не только для украшения дней ваших,
в усладу слуха, утешения души,
но и во спасение всего живого и
светлого на нашей Земле.

*Завещание
писателя Виктора Астафьева*

ОЛЕГ
ДОРОГАНЬ

От тропы
язычника
к свету
православия

Некогда орда вогулов из-за Урала перекочевала в Европу, миновала Киевскую Русь, перешла Карпаты, осела в широкой равнине по среднему Дунаю к югу и западу от Карпат, да там и обосновалась. Соседние славянские племена называли выходцев с востока угорцами (у гор), утрами, венграми. Сами же они назывались мадьярами. И образовали королевство Венгрию (Мадьярию). На Украине и по сей день страну эту называют Угорщиной.

А другая часть вогулов осталась в Западной Сибири. Ими было создано Вогульское княжество Пелым, объединившее все племена манси. В советское время они вошли в Ханты-Мансийский автономный округ.

И получается, что племена манси с современными венграми имеют корневое, генное, кровное и языковое сродство (утро-финская языковая группа). А вековая мировая семантика в этом мире кочевий и становищ не могла не рождать поэтов.

Российский поэт Андрей Тарханов родом из кондинских манси. Глубоко усвоив классические традиции российской поэзии, он пишет на русском языке, придавая ему певучесть мансийского. Не зря про свой народ он пишет: «народ певучий, сказочник и чародей».

Вместе с тем значительным фактом биографии поэта стала его дружба с венгерскими поэтами и фи-

лорогами. Составительница антологии угро-финского фольклора венгерская поэтесса Анна Беде включила в нее стихи и Андрея Тарханова. Венгры в его стихах почувствовали национально-корневую близость, отметили задушевность, «скрипичную певучесть, удаль и страстность огневой венгерской крови».

Этим и определяется национальная самобытность и языковая межнациональная связь лирики А. Тарханова, ее первозданность и современность.

Открыв книгу его избранной лирики «Исповедь язычника», попадаешь в многокрасочный таинственный поэтический мир таежной природы. Здесь можно увидеть, как «Юча — фея тайги в белой парке неслышно идет», Юча — дочь снежной Тэлизимы. А там промелькнут да исчезнут феи бора. Осторожнее, здесь можно столкнуться и со злым болотным духом. Зовут его Комполен.

Перед тобой могут предстать идолы и амбары, предназначенные для поклонения им. Ты постоишь у священного кедра, пообщаешься с шаманом, поучавшем добру и бережному отношению к красоте. А в ночи — «желтый бубен-луна над вершиною кедра висит», а еще здесь — «Ковш Медведицы черпает тьму».

Древние предания, языческие обряды и обычаи естественно проникают в ткань его стихов, овевают их воздухом языческих тайн, придают им магическую силу, которая, впрочем, не имеет ничего общего с заклинаниями местных служителей культа.

Там правят чувствами не боги,

А красота девичьих лиц.

И пляшущая маска язычника не подменит собою истинной природной красоты, которой прежде всего и служит поэт. О, она полна соблазнов, и очень важно уступать ей целомудренно, как в стихотворении «Искушение»: «Соски, рябинками краснея, Не признают ее винь».

Сквозь толщи смутной тайны пробивается чистым ключом эта красота. И питает корни духовной почвы поэта. И он с уверенностью скажет: «Живет без фальши и обмана в Природе каждый стебелек». А с возрастом, когда приходит умудренность,

безмолвные образы природного бытия в сердце поэта рождают драматический накал:

*Рябина, как в детстве,
как в юности, с кручи
нам машет платком,
словно скорбная мать.*

А язычество поэта далеко не то, каким оно в современных представлениях сложилось:

*Язычник мудрый — потому
Священность к женщине питаю,
Руками скульптора ласкаю,
В цветы и травы опускаю.*

Музыкальная пластика и художественная выразительность выгодно отличают стилистику поэта из Ханты-Мансийска. А его особое поэтическое постижение родной мансийской таежной жизни тесно смыкается с русской стиховой культурой. Тайга, населенная людьми и язычески одухотворенная, у него вселенски вбирает в себя все краски мира, все приметы Прекрасного:

*Плачут звезды
и падают в омут Вселенной,
и рождаются в мире
искры зла и добра.*

Притчеобразное течение стиха многих его произведений позволяет снимать накал конфликтных страстей уравновешенностью добра и зла. Но не всегда это удается. И из таких «неудач» как раз и рождаются настоящие творческие удачи, как в случае со стихотворением «Исповедь волка». Его уместно здесь привести полностью.

*Поляна в розовом тумане,
И солнце,
И проклятый пень...
Горит огнем нога в капкане,
Горит уже четвертый день.
Не убавляется от снега
И жажда, и тоска моя.
Я жду, я чую человека,*

*Живу последней встречей я.
 Чтоб разорвать тебя на части,
 Я мертвым притворюсь на миг.
 И будет месть,
 И будет счастье,
 И будет мой победный крик.
 Ты не спешишь, мой враг, и злоба
 Терзает, мучает меня.
 И ради воли надо, чтобы
 Тебе оставил лапу я...*

Бывает ли поэт в глухих таежных углах или у друзей-поэтов в Москве и Будапеште, он как бы одновременно живет в нескольких литературных традициях. Влияние же русской классической поэзии настолько велико, что всюду обнаруживаются следы его, вольно ли, невольно для самого автора.

Не случайно у него Бунин (стихотворение «В том порту») видит Россию — «ту, в рыданиях гармоник — Россию», и — «этот снег, и парящий, и синий, эти тройки и эту Неву».

Лучшие из современников поэта тоже могут находить отзвук или отзыв у мансийского мастера слова.

*Сосновый бор до стона раскален,
 И синий ягель поседел от зноя.
 Но по весне он станет цвета моря.
 Олень, конечно, будет удивлен.*

Невольно вспоминается кузнецовское: «раскололась сосна на два стона...»

*О, ягельные синие поля! —
 Спокойное оленье утоленье.*

А тут вдруг вспоминается мартыновское «оленье томленье»...

В душе поэта борются не только две стиховые культуры, но и две стихии, две веры: «Христианин я и язычник, меня крестили в Иртыше». И уже в поэтической книге «Исповедь язычника» намечился его окончательный переход к русскому православию.

С тропы язычника — на православную стезю.

Правда, настоятельные послы к этому видны у него и раньше, например в стихотворении «Мольба к Богу»:

*Господи, несправедливо
Жизни поэта лишать.
Так отпусти же, Всевышний,
Вечность ему от Весны.*

И помогает новообращению поэта опять же духовное слияние с природой, зовущей к вселенской гармонии красками и ликами Прекрасного, соразмерностью и разумностью. Автор чутко это воспринимает. Поэтому даже звери и деревья у него обладают пониманием прекрасного и по-своему служат ему:

*И прежде чем кануть в берлогу,
Осмотрит медведь с высоты
И волны, и птичьи дороги,
Чтоб снились цветастые сны.*

Вот и олень в ранее приведенных строчках удивлен краскам бора — оленье удивленье.

Да что там говорить, сама земля у поэта живая, олицетворенная и одухотворенная по-человечески понятно и узнаваемо:

*Глаза земли задумчивы и капри,
А щеки в конопушках земляники.*

В смутную пору развенчания всех и всяческих святых, а вместе с тем и расчеловечения А. Тарханов жаждет святости — по отношению к природе, женщине, языческим богам, народу, стране и, наконец, к Богу — всеединому православному. Все приемлет он в этом мире, только не отсутствие святости:

*Но если в душах нет святыхни,
То в душах наступает ночь.
Отец в детдом уводит сына,
Больную мать бросает дочь...*

Слишком в людях мало стало такой святости, которая пробуждала совесть и побуждала к самопожертвованию. И отходят в небытие, ступая на плахи-погосты, многие российские, в том числе и ханты-мансийские деревни, если не отошли еще... Так не стало и родной деревни А. Тарханова, по которой с горечью вздыхает поэт: «Нет тебя, моя деревня. Нет боров, река тиха». В этом стихотворении, так и названном «Моя деревня», не мог он не вынести свой укор временщикам-разрушителям:

*Но в период укрупнений
Неразумнейшим пером
Тысячи таких селений
Были списаны на слом.*

Обладая историческим мирочувствованием, автор точно улавливает сущностную доминанту своего времени, не сводя свой стих к злободневной конкретике. «Тирана нет. И раб вчерашний поспешно занял трон пустой». Согласитесь, эти строки вызывают определенные исторические ассоциации, даже содержат отсылки в день минувший, в век минувший, наш двадцатый, прогрессивный и смутноносный.

После «Исповеди язычника» А. Тарханов закономерно шел к следующей книге — «День боренья».

В ней библейские мотивы стали все заметнее преобладать над языческими. Для поэта в раскальвающемся, распадающемся мире это становится все насущнее, все жертвеннее. «Но в жизни есть судная Плаха», — убежден поэт. В этой строке прочитывается крест-распятие, хоть и рядом еще ассоциируется жертвенный алтарь — четвероногий амбар.

*Я сам сотворил себе Плаху,
Чтоб вечно святыни берег...*

Так и всходит ежедневно поэт на плаху собственной совести, крепнувшей в вере православной.

Книга избранной лирики А. Тарханова вышла в начале третьего тысячелетия и несет на себе еще и хронологический отпечаток смены времен. Внушительны, но далеко не утешительны итоги эпохи, раздвинувшей временные рамки в открывшуюся огромность нового тысячелетия. Увы, поэт вынужден подвести главный — как сам он это понимает — итог времени:

*Но даже после
всех ошибок горьких
Нет снова милосердия к живым —
Мы милосердьё
бережем для мертвых...*

И выстраивает свой Храм милосердия. «Я тайны радости постиг — Храм милосердия воздвиг». Однако не скрывается

затворнически в нем, как в башне из слоновой кости, а распакивает навстречу каждому, кто входит в страну поэзии, в обитель духа. Входит с тем, чтобы найти здесь утешение, обрести покой в думах о спасении собственной души. Храм этот естественно вписан в первозданный мир природы. И здесь можно порадоваться девственной ее чистоте и наивности ее языка. Так и чудится, автор возвращает нам ее, давно утраченную. И в слове передает — и придает природе еще больше мудрого величия и погруженности в свою бесконечную бездонную думу.

Природа верит в человека.

И тем Вселенная... жива.

Теперь уж точно нельзя не согласиться, что национальный колорит лирики Тарханова органично вписывается в контекст российской и мировой литературы, безусловно обогащая ее. Думаю, без нашего ханты-мансийского поэта мировая культура была бы неполной. И можно смело сказать, в этом виден Промысел Божий, ибо Творцу Вселенскому, видно по всему, милее многообразие, нежели однообразие пустыни или ландшафта безжизненной бездны.

По-своему слышать зов Творца — в этом счастливый талант поэта Андрея Тарханова, этим и определяется своеобразие его лирики.

ПРАВО

ПРИРОДЫ

Спасенная бабочка

Как лист, она упала с ветки,
Упала в тень травы сухой.
Ей нужен луч живой рассвета, —
Растает холодок ночной.

Я оказался на поляне
В мгновенья эти утром рано.

Она озябла ночью, видно:
Два крылышка слились в одно.
Я подошел к ней тихо, скрытно,
Спасать — от рода мне дано.

Я это хрупкое явленье
Отнес на теплый бугорок.
И бабочка пришла в движенье —
Похожей стала на цветок.

На крыльях охристого цвета
Шесть белых пятнышек взошли.
Она — посланец чуткий лета,
Она — мираж его души.

Она — как звук травы — взлетела,
Кружилась, радовалась, пела.

8–12 мая 2005 г.

Седьмой валун

*Великому кинорежиссеру
Ингмару Бергману*

Он слит с тобою, остров Форе.
Он — как седьмой седой валун —
Вчера в душе закончил споры
И стал твоим,
        он полон дум.

Он, словно Борг¹ из той поляны, —
Семь раз исследовал свой путь,
На свет выживая тайны,
Давая всем
        на них взглянуть.

И люди плакали, вздыхали,
Себя тревожно узнавали.

Он помнит дерзкие порывы
Свои до истин, звезд ночных.
Познал, что люди суетливы,
Весьма тщеславны и ленивы,
Но... есть Олимп в душе у них.

«Найти Олимп — удел поэта.
А я грехи людей возьму,
Доверю Бесу своему,
Он их исследует при свете...»
Кто может жить в объятьях дум?

¹ Профессор Борг — главный герой в кинофильме Бергмана «Земляничная поляна». (Здесь и далее — примеч. авт.)

Андрей ТАРХАНОВ

Отшельник, гений и вещун —
Давно об этом знает Форс.
И вновь его седьмой валун
Глядит на звезды и на море.

4–5 января 2004 г.

* * *

Над рекою струится дымок,
И на ветках сосульки-подвески...
От столичного мира далек,
Я живу среди снежного блеска.

Вспоминаю — в Москве, на пиру
Я заплакал:
Навеки простился,
Ради песен на подвиг решился —
Обрету себя снова в бору.

Я в избушке живу у ручья.
Нет ларьков, казино и сберкассы,
Нет путан, нет разбойничьей трассы.
Лес гармонией лечит меня.

Удивительно яркую грусть
Навевают зимою сугробы...
Одного в эту пору боюсь —
Вдруг вернусь на разгульные тропы.

- 086771 -

* * *

На скрещенье путей изначально
печально:

Человеку на выбор даются пути.
Обрекает он часто себя на страданье.
А иные желают беспечно идти.

Вечерет.
И первые звезды от Бога
Говорят человеку прощально — пора.
Вот он трепетный миг:
Здравствуй, жизни дорога!
Разреши эту ночь провести у костра.

Для чего этот отдых я взял у дороги?
Не пойму.

И раскаяньем мучаюсь я.
Ведь на этот костер
Все людские пороки
Прилетели,
бесстыдно лаская меня.

Сон и явь —
Все смешалось в той ночи беспутной.
Пляшут бесы —
Лишь только зажмурю глаза.
Видел лес:
Торопился встревоженно путник
И подолгу порою смотрел в небеса.

13–14 марта 2004 г.

Если будет Россия...

Словно вдаль улетели сердечные песни,
Наблюдаю вокруг я душевную глушь.
Где, Россия, твои огневые оркестры?!
Заглушите же вопли и стоны кликуш!

Я сегодня от мира тревогу не прячу.
Вижу предков великих суровой укор.
Марш «Прощанье славянки» ликует
и плачет
Над полками бесстрашных седых гренадер.

О, Россия! Встречали народы Европы
И твоих гренадер, и гвардейцев твоих.
И рождалось желанное чувство свободы,
И хотелось любить этот мир за двоих.

Но познали мы нынче позор и обманы,
И кровавым дождем умывался рассвет.
Распахнулись от гнева душевные раны,
И прощенья за наши мучения нет!

Ветер времени снова зовет к возрождению.
Штормовая волна много пены несет.
И горят чьи-то души от мук и смятенья.
Мать с убитым ребенком к закату идет.

В эти тяжкие дни и раздоров, и смуты
В нерушимость Отечества верится мне.
Если будет Россия, —

запомните, люди, —
Значит, будут и мир, и любовь на Земле.

1990 г.

Ночной ресторан

*...Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.*

А. Блок

Нынче праздник — ночной ресторан.
Скрипки плачут,
А флейты смеются.
Здесь желаньям потехи найдутся.
Здесь веселые дамы пасутся.
Здесь красивые тайны куются.
Ложь хохочет.
Танцует обман.

Нынче праздник — ночной ресторан.
Приходи, Незнакомка, на встречу.
Я по-рыцарски ласково встречу.
Не смутят нас охальные речи.
Для объятий качается стан.

Нынче праздник — ночной ресторан.
Что душе одинокой здесь надо?
Это жизни жестокая плата:
Ты транжирил по свету,
Что свято.
И теперь ты отвержен и пьян.

Нынче праздник — ночной ресторан.
И с тобой, Незнакомка, мне мило.
Ты потемки мои осветила,
Ты для мира меня воскресила.
Для любви твоей качается стан.

Нынче праздник — ночной ресторан.
Ты бесстыдно-красиво-нагая,
Всю себя на распыл отдавая,
Говоришь: «Я сегодня святая...»
Продолжается жизни обман.

1 января 2004 г.

Мышление ларька

*Теперь часто можно услышать в народе:
мы живем в стране ларьков*

Внедряется ларьковое мышление
В тебя, меня, в невинных малышей:
«Имей ларек —
И в нем найдешь спасение
От нищих, от обиженных людей.

Имей ларек —
И станешь ты удачливым,
Потом миллионером станешь ты.
И девушки к тебе повалят пачками,
Ведь доллар —
как магнит для красоты.

Я господин.
И для меня, богатого,
Всегда найдутся жалкие рабы.
С деньгами нет на свете виноватого,
Я на руках у грешницы-судьбы».

Ларьки, ларьки —
Стороннее явление.
Для них снуют по свету «челноки».
Да сгинут они, словно наваждение,
От крестного знаменья руки.

24–26 октября 2004 г.

Встречное пламя

Орава пылит за оравой —
 Ордынское войско идет.
 Собор величав, словно слава,
 С которой удачен поход.
 И стены —
         саженная кладка,
 Такие не взять на таран.
 Смолой заполняются кадки.
 Внушителен каждый колчан.
 Стоят на стене Воевода
 И схимник, святой Питирим.
 От дыма темны небосводы,
 Из мук человеческих дым.
 Вдруг стихли и скрипы, и крики, —
 Момент удивительным был, —
 Огромный собор белоликий
 Величьем врагов поразил.
 Сухая трава колыхалась,
 Зловещую силу тая.
 И вдруг она огненной стала, —
 Взревела лавина огня.
 По знаку Большого ордынца
 Лавина пошла на собор.
 Степные и звери, и птицы
 Подняли немислимый ор.

 Вздохнул Воевода устало.
 А схимник взглянул в небеса.
 Вдруг молния ярко выграла —
 Разверзлись на миг небеса.

И вылетел ветер оттуда —
Как огненно-рыжий орел, —
Увидели птицы и люди —
Он встречное пламя повел.
Сошлись разъяренно лавины,
И ахнула, вздрогнув, земля.
Не стало в момент половины
Врагов у святого Кремля.

И понял лихой Воевода,
И понял седой Питирим,
Что вовремя Божья подмога
Пришла как спасение к ним.

Горели кибитки и кони,
Горели жестокость и спесь.
И ринулось войско в погоню
За Бога,

за Русь

и за честь.

9–10 января 2004 г.

Сухая гроза

Раньше в деревнях на юге Тюменской области говорили: «Сухая гроза-то верескнёт так верескнёт (сильно загремит)».

Автор

Сухой металлический звон
 В грозе августовской родился.
 Желтеет от молний затон,
 Над яром песок за клубился.
 Мотает олень головой —
 Сухая гроза не по нраву.
 Но у голубики по праву
 Есть ягодный дождь голубой.
 Он льется в ладони болот
 От ветра горячего, злого.
 А гром будто камни скребет,
 И тошно от звука такого.
 Все просят дождя проливного,
 Его не бывало давно.
 И это для августа странно.
 Искрится небес полотно —
 Но нет ни дождинки желанной.

24–25 августа 2004 г.

Песня и парус

Четырехвесельная лодка переселенцев под парусом — это тоже знак моего детства.

Автор

Наступило осеннее утро.
Голоса над рекой и тайгой:
«Вы не вейтесь, русые кудри,
Над моею больной головой».

Белый парус над лодкой —
как птица,
Распахнувшая крылья свои.
Запевала собою гордится,
Подголоски —
с Оки соловьи.

Может, песню до отчего дома
Донесет улетающий клин...
«Далеко от родных и знакомых —
Я умру на чужбине один».

Улетела душа молодая
В этой песне безвинно от нас.
«Только ты, моя мама родная,
Крест могильный обнимешь не раз».

Я стоял, потрясенный и песней,
И печальной судьбой неизвестной,
Так похожей на судьбы сельчан.
Парус плыл по волнам
к облакам.

16–18 ноября 2004 г.

О сиротах

Приюты, интернаты и детдомы —
 Всегда в них эхо слышится войны.
 Приюты, интернаты и детдомы,
 В дни мира
         тоже вы сирот полны.
 Гляжу на них я с нежностью и болью.
 Как чутко спят...
 Я тишины прошу.
 Я озарю сирот своей любовью,
 Я в сны сирот волшебником вхожу.
 А снится им одно и то же, люди:
 Весенний сад и мама.
 Много мам.
 И синеглазку Лену папа будит
 Во сне,
 Но не разбудит дочку сам.
 Ее разбудят солнечные горны.
 И новый день она, как хлеб, возьмет
 Из рук Отчизны — матери проворной,
 С которой дружен солнечный восход.
 Она — семья родная всем сиротам.
 Все это так...
 Но есть рожденья день,
 Боль матери, отцовские заботы...
 Так где ж они?
 Скажите, люди, где?!
 Плечами удивленно пожимают.
 Сказать ли правду этим малышам?..
 И Лены вскрик: «Я помню папу! Знаю —
 Меня привел сюда мой папа сам». —
 «А мама привела меня и плачет, —
 Вздыхает Коля,

Нет у Коли зла. —
Она, наверно, умерла, иначе
Ко мне бы обязательно пришла...»
О вы, детей отринувшие, сами
Вы нынче стали знаками беды!..
Сироты спят.
Им снятся папы, мамы
И видятся весенние сады.

1988 г.

* * *

Другу Александру Яковлевичу Пачганову

Мы ждем вас, —
Где вы, глухари?
Дорога в Шапшу¹ чуть в тумане.
Багряный краешек зари
Сегодня разгорелся рано.
Но почему полета нет
Ни косача и ни тетерки?
Им вкусный завтрак шлет рассвет,
И гальки, посмотрите, сколько!
Кедрач, постанывая, спит,
Храня умаянные тропы.
Глухарь на все это глядит
Из-под ветвей смурной чащобы.
Он чувствует непогоды мрак,
Он видит наши передвижки.
И мнит,
                    что человек — чужак,
Хвастлив, самоуверен слишком.
От этих слабостей его,
Видать, ничто уж не излечит...
В машине нам тепло, легко,
И мы ведем смешные речи.

21–25 октября 1998 года

---

¹ Ш а п ш а — название деревни.

* * *

Нету в лампе керосина.
Слава Богу — свет в окне.
В небесах моя лучина, —
Я читаю при луне.
Даже бабушка уснула,
Васька-кот и тот храпит...
Вот Печорин встал под пулю...
Вот Дубровский в лес спешит...
Я словами очарован,
Я героями пленен.
Мцыри волей околдован,
В край свой горный
  рвется он...
Мать встает:
  «Ведь в школу скоро.
Посмотри, уже рассвет...»
Я иду.
      И вижу горы,
Я иду за Мцыри вслед.

20 февраля 2005 г.

На автобусной остановке

Плотная белая сеть
 Предзоревого тумана.
 Песне сейчас не взлететь:
 И непогода, и рано.
 Это и к лучшему: я
 Больше увижу народа.
 От мелочей бытия
 Наша зависит свобода.
 Плачет ребенок в руках
 Девочки
     в курточке летней.
 Стала случайною — ах! —
 Мамой пятнадцатилетней.
 Парень понурясь стоит,
 Жизнь-то нелегкая, видно.
 Хрупкий, ранимый на вид, —
 Выдержит ли обиды?..
 Пьяный мужчина несет
 Водку с начинкой заморской.
 Выпьет — опять упадет,
 Здесь по-весеннему скользко...
 Если я Русь обойду, —
 В сердце желанье такое, —
 Всюду я встречу беду,
 Всюду смятенье людское.
 Люди, воспрянуть пора,
 Есть еще день для спасенья!..
 Зябко, туманно с утра,
 В полдень придет озаренье.

1996 г.

В моленной избе

Дверь всплакнула, отворясь,
Я вошел, тенет боясь.
От оконца брезжит свет.
Человека вроде нет.
Три иконы зрят в углу,
Зелень свеч,
                                а на полу —
Коврик хил из камыша.
Опечалилась душа.
Кто
                                за веру тут страдал?
Кто поклоны Богу слал
За людей, за все грехи
Тех, кто к Истине глухи?
От икон исходит свет,
Но... отшельника уж нет.
Бог призвал к себе его
В горный край. Ой, далеко...
На душе тепло. Видать,
Свет икон — как благодать.
Очарованный, стою,
О грехах своих молю.
Боже, ты прости меня,
Истины не ведал я...
Дверь всплакнула, затворясь.
Я иду, всему дивясь.

7–10 июля 2005 г.

* * *

*Пусть останется в памяти
славная и верная собака Черныш.*

Автор

Я сразу Черныша узнал,
Он на меже в крови лежал.

Твою собаку я узнал
И о беде тебе сказал.

Спросил ты: «Разве он живой?» —
И нехотя махнул рукой.

А помнишь... ты жестоким рос?
Ежа, смеясь, убил.

Отец, испуганный до слез,
Щенка тебе купил.

Веселый, ласковый, смешной
Щенок всегда ходил с тобой.

А помнишь... ты плутал в мороз?
В снегах молчал Иртыш...

Нашел людей тревожный пес —
Спаситель твой Черныш.

Об этом ты успел забыть,
Стал праздно, непутево жить.

* * *

Как быстро наплывают облака.
Лазурь в кольце.

Уже ее не стало.

И гладь воды наморщилась слегка,
И лилий обозначились овалы.
За облаками — туч лиловых строй.
На них глядит с тревогой
мать у дома.

Пахнуло медом трав,
Каленою сосной,
Лосиною знакомой стороной.
Остался миг до первых звуков грома.

1977 г.

Изначалие

Весной вернулись глухари
В свои священные пенаты.
По-детски родичи мои
Им, старикам небесным¹,
рады.

«Они — посланники богов», —
Седой Тимпей с крыльца пророчит.
Он поклониться им готов,
Он ждал их три бессонных ночи.

Вдали сияние зари.
Раскрыты клювы от волнения.
Дивятся солнцу глухари —
Его волшебному явлению.

Глядит ребенок из окна,
С ним рядом бабушка-вещунья.
Поет о глухарях она,
И вторят ей деревьев струны.

Я из окна глядел тогда.
На птичий зов душа проснулась,
И нежно миру улыбнулась,
И вспыхнула моя звезда.

1989 г.

---

¹ «Стариками небесными» называют манси глухарей.

Галька

Самая красивая в деревне
Галька Тарасенкова была.
И в тринадцать лет она, как Ева,
Своего поклонника ждала.

Любовались девочкой ромашки.
Бабки говорили меж собой:
— Вымахала! Вон какие ляжки...
— Груды развернулись ой-ой-ой...

Годы детства. Сколько хошь, купайся.
И во всем свобода, естество.
У реки до нитки раздевайся.
— Галька, поскорее!.. Ты чего?..

Платьице привскинула, смахнула.
Потянулась медленно потом
И впервые странно удивила
Темно-шелковистым бугорком.

До озноба плещемся мы в речке,
А потом бежим на солнцепек.
Греемся, как у родимой печки.
О любви пока нам невдомек.
Но меня бодают, горячи,
Невзначай девчоночьи соски...

Минул год. И Галька краше стала.
Слух прошел — гуляет, мол, она.
С нами же по-прежнему купалась,
И ничем собой не выделялась,
И, как все, была обнажена.

Мы однажды с речки прибежали
Греться,
                    как бывало много раз.
Галька на крыльце, смеясь, дрожала,
Я на мураве лежал, смеясь.

Вот она приподняла колени,
А ступни откинула взрадет.
И меж ног, не знающих стесненья,
Я увидел сочно-алый вход.

Галька взгляд мой уловила точно.
Не смутилась.

                    Встала и пошла.
Значит, говорили не нарочно...
Ты чего волнуешься, душа?..

Почему я не пошел за нею?..
А вздыхал ведь тайно, признаюсь...
Уж ничем вовеки не развею
В сердце поселившуюся грусть.

6 мая 2004 г.

Пророк Семенов

— Дедушка, дедушка, ты говоришь, что наши мужики из Евры, Варпавлы, Аманьи живы?

— Под американцем ходят...

— Чудно... Как они к американцам-то попали?

— Немцы их тургули американцам. Мол, таежники... вам пригодятся...

Я стал свидетелем этого разговора
в детстве

Дед Семенов Тимофей
Был слепым, видать, отроду.
Сочинял он, лицедей,
Байки, шутки для народа.
Слыл провидцем дел мирских,
Слыл политиком для многих.
Дар пророчества слепых —
Это, мол, даренье Бога.
Шел последний год войны
Изнурительной, священной.
Пронеслось в разгар зимы:
Дед имеет сообщенье.
И собрался люд в правленье.
Предколхоза сбоку сел, —
Словно видя всех, как зрячий,
Дед пришедших оглядел.
— Похоронки все не в счет, —
Заявил он, улыбаясь.
Ахнул в радости народ,
Кто-то плакал, не стесняясь.
— Не убиты мужики.
Пусть боятся их враги! —
Руку вскинул грозно ввысь, —
Сообщенью, мол, дивись. —

Лагерь есть для иностранцев
В Альпах фрицевских, германских.
Лагерь тот американский,
Там все наши мужики
У союзников в плену.
— Дед! Никак я не пойму, —
Встала вдовушка Варвара, —
Неужели всю войну
Мой Степан провел на нарах?
Дед поднялся важный, строгий:
— Да поймите ради Бога!
Взяли их на поле боя:
Кто контужен, этот ранен...
Так что, Варя, жди без воя —
И к тебе вернется воин.
Три часа шумело вече:
Слезы, вздохи, ругань, смех.
Были и державны речи...
Так уж скроен человек.
Поселилась вновь надежда
В душах вдов и стариков.
Шли деньки зимы неспешно.
Шел и дед в свой тихий кров,
От своих легенд уставший.

Но... сбылись мечты весной:
Трое без вести пропавших
Возвратились в дом родной!
Где их по свету носило —
Это уж другая статья.
Знали — надо им молчать.
Все за них в деревне пили,
Как героев возносили.
Чарку новую неси!
...О пророке позабыли,
Как ведется на Руси.

12 декабря 2003 г.

* * *

На этой заветной поляне —
 Два кедра ее сторожат —
 Я жду рокового сиянья,
 Его ожидает душа.

Когда появляются звезды, —
 Мне Космоса чудится взгляд.
 Он, видно, дает себе роздых,
 И глас его чуден и свят.

Какой-то таинственный шепот
 Идет от зеленых небес,
 И грома приглушенный рокот
 Как будто ласкающий лес.

Из глуби небесной сиянье
 То вспыхнет, как зоркий маяк,
 То снова угаснет,
   и странно, —
 Лишь в полночь узришь
   этот знак.

А лес уже спит,
   и ночные
 Бродяги его
   тоже спят.

Желанны миры мне иные,
 И я вспоминаю себя, —
 Часами на звезды, бывало,
 Смотрел я на сеновале.

До слез волновало сиянье
Небес

над моей головой.

Сейчас на заветной поляне

Я слушаю Космос ночной.

И слышит печальное сердце:

«Владыка я жизни и смерти...»

Я Вечность дарую великим...» —

И стихли над кедрами клики.

27–31 января 2005 г.

Избушка

Осталась вот эта избушка
Одна
от деревни моей.
Ей посох бы дать,
как старушке,
Чтоб шла она в гущу ветвей.
Ей нужен покой,
а не ругань
Заезжих дельцов-рыбаков.
Живет без хозяина-друга,
Не ведает ласковых слов.
И странно,
что песен не слышно
Вечерней порой у костра.
И смотрит печально Всевышний
На скучные эти дела...

19–21 июля 2005 г.

Шуша

Памяти друга В.К. Аскерова

Шуша — на каменной вершине.
Мальчишки глядят облака.
Здесь род Аскеровых века
Справлял рожденья и кончины.
Мудры седые аксакалы, —
Считают звезды по ночам
И удивляются орлам:
Доступны им любые дали.

Шуша — вершина храбрецов,
Поэтов славных от Вагифа.
Шушахватила нынче лиха —
Пришла вражда в край облаков
По воле злой и нетерпимой...
Но, слава небу, мудрость есть,
И скоро все получат весть —
Шуша народами хранима.

1989 г.

* * *

*Памяти друга детства
Толи Петрушкина*

Снова музыка вызвала поле,
За рекою ромашковый дол.
Молчаливо впервые,
                        друг Толя,
По тропинке ты мимо прошел.
Вспоминаю тот спелый малинник,
Скрыться в нем бурундук не успел.
Мы поймали его
                        и невинно
Посадили в корзину к тебе.
Дали пленнику ягод душистых
И, корзину накрыв берестой,
Убежали к реке серебристой,
Где плескались небесной водой.
И когда мы вернулись обратно —
Оказалась корзина пустой.
Молодец, бурундук!
                        Очень рады,
Что опять ты в чащобе лесной.
Ты — ребенок природы бескрайней.
И тебя я, конечно, мудрей.
Между нами — сближения тайна,
Снова я вспоминаю о ней.

Апрель, 2004 г.

* * *

Удивительной Лене

Я взял с собой в дорогу нежность.
Она заботою горит:
В моей душе,
Душе добрейшей,
Зеленогрудый ястреб спит.
А вдруг проснется этот ястреб,
Обиды давние тая?
А вдруг жестокий этот ястреб —
Мое обличье, суть моя?
И как спастись тогда, согреться
В глухом заснеженном краю?..
Когда проснется ястреб этот,
Я нежностью его убью.

1988 г.

Два человека

Две души — увы! — в душе моей.

Гёте

Загадочна личность поэта —
 Не прячет волнения свои.
 Поэт —
     это два человека —
 Полярные знаки любви.
 Один от небесного света,
 Другой от греховной Земли.
 И если один для любимой
 Цветы полевые несет,
 С повадкою необъяснимой
 Второй об измене поет;
 Готов в бесшабашном гулянье
 До нитки себя разорить...
 Другой — как в его оправданье —
 В работе не спит до зари.
 Горя вдохновеньем, в поэме,
 Он с космосом речи ведет.
 А грешному надо с богемой, —
 Утех убажжающих ждет.
 И так они в вечном боренье —
 Как два человека — идут,
 Идут они в край вознесенья
 На праведный Божеский суд.

1990 г.

Ущелье

Мне зябко у зева ущелья,
Хотя и пылает костер.
Вдруг мнится, что я —
  в подземелье

И слышу чужой разговор.
Я слышу бряцание ружей
И тихое ржанье коней...
И вынеслась страшною тучей
Орда на просторы полей.
В дыму и огне небосводы,
Кроваво гуляет орда.
Разъяты враждою народы
И помощь не вышлют сюда.
И целых народов не станет,
Останется пепел и кровь...
Так было, так было, земляне!
Разбой ожидается вновь...
От этих видений ужасных
Умоюсь-ка свежей росой.
Пахнуло душисто и влажно
Из пасти ущелья в лицо.
Проснулся в расщелине ворон,
И барс на летучей скале.
Зорится. И солнышко скоро
Попросится в гости ко мне.

20–22 марта 2005 г.

О душе

Плоть человека истощима,
 Она с рожденья уязвима.
 Как больно говорить о ней!
 В ней — бездна слабостей людей.

И лишь душа достойна спора.
 Она загадочна, как море.
 Она из импульсов, порывов,
 К ней звезды шлют свои призывы.

Душа, конечно же, ранима,
 Но во спасение хранима
 Творцом.

И это, люди, так.
 Но человек себе...
 есть враг.

Сначала плоть свою калечит,
 Потом ее он лечит, лечит...
 Живет, раскаяньем дыша,
 Забыв, что есть в груди душа.

Душа страдает, горько плачет,
 Ей, трепетной, нельзя иначе...
 А вот когда

она поет —
 Тогда и Человек живет
 Влюбленно, вдохновенно, ясно,
 Бывает Человек прекрасным!

...Однажды я проснулся ночью —
Хмельной, тоскующий, порочный.
Кто горемычному поможет?!
Невольно вырвалось: о, Боже!
И я услышал глас души:
«Родимый, к смерти не спеши...
Бороться я с тобой устала.
Ты честно жить начни сначала...»

Когда в боренье плоть истает —
Душа, простившись, улетает.

8 февраля 2005 г.

Пропаший день

Без меня мир сейчас обойдется,
Я не выйду на улицу, нет.
Сердце птицей пораненной бьется,
И ему безразличен рассвет.

Где-то девушка с горем осталась,
Та, которую нужно любить.
У нее под глазами — усталость,
Ей сегодня не хочется жить.

Я замкнулся —
и мир исказился —
Клеткой малой своей потемнел.
Горько, что ни в кого не влюбился,
Этот день, словно лист, улетел.

Этот крошечный листик Вселенной
Никого не обнял, не простил.
Небесами он предан забвенью.
Я как будто сегодня не жил...

27 октября 2003 г.

* * *

Много было загадок разгадано,
Но никак не убавится их.
Много сказок в бураны рассказано
У костров придорожных моих.

Но одну потаенно-душевную
Сказку я про запас сберегу.
Лишь она мне останется верною
На отцовском лесном берегу.

Дарит бабушка солнце пасхальное,
Дарит кедра священного лик.
Говорит, чтоб я мыслями ранними
В занебесные дали проник.

Время хвалится хитрыми масками,
Время машет рукой на бегу.
Не спешу я за новыми сказками,
Сказку детства в душе берегу.

29 марта 2001 г.

Рожденный цунами

*Памяти прошлогодних трагических
событий в Юго-Восточной Азии*

Мальчик плачет и смотрит на маму,
Он в глазах ее видит цунами.
Только высказать чувства не может,
Он сейчас на цыпленка похожий.
Он дрожит.

Почему же из мамы
Не уходит тот страшный цунами?
Он за всех своих

сверстников плачет,
Прижимая к груди алый мячик.
Этот мячик, притихшее море,
Подарило ему словно горе.
Он нашел его после цунами.
И увидел бегущую маму.
Он вначале...

и не удивился,
Он ведь заново нынче родился.
Помнит —
нету ни облак, ни мамы, —
Только белая пена цунами.
Он, как мячик, по пляжу катился
Очень долго...
Он снова родился.

15 декабря 2004 — 8 января 2005 г.

* * *

Другу-поэту Е.Ф. Вдовенко

Базар всегда его смущает,
Он волноваться заставляет.
Возле цветов он ходит, ходит.
И на торговок гнев наводит.
— Ну, что ты мельтешишь, мужчина?
Не видел, что ли, георгина?
— Есть в белом георгине вьюга.
Я георгин люблю, как друга, —
Так Человек им отвечает.
Но кто его здесь понимает?
Наверно, гордый гладиолус.
Далекий от хлопот, как Полюс?
А может, тихая ромашка,
Глядит она, как Чебурашка?..
Идет.
Он за людей страдает.
Букет огромный покупает.
И, к удивлению базара,
Цветы свои
проходим дарит.

1987 г.

* * *

К благоразумию людей

Взывать —

тяжелая затея.

Конечно, в честь Пасхальных дней

Они становятся добрее.

Но безалаберности ржа

Возьмет свое, уж это точно.

Без вдохновения душа,

Увы, с рождения порочна.

Ее берет в полон тоска.

Но в мире есть от этой муки

Стихов чарующих строка

И музыки мятежной звуки.

Они — спасение души,

Они в изломный час помогут.

Тогда творить и жить спеши,

Тогда — распахнуты дороги.

1986 г.

Пчела и соловей

Весь день к пчеле

взывают соты:

Нам нужен труд, любовь твоя...

Вдруг над пчелой, —

как знак заботы —

Родились трели соловья.

В них было столько страсти, неги,

Что у берез запели ветки.

Пчела вздохнула, грусть тая,

И... стала слушать соловья.

29–30 декабря 2004 г.

Лесничий Лагутин

Я знаю лесную сторожку.
 Поляна, большой огород.
 Растут огурцы и картошка,
 Клубника,
                         малинник цветет.

В letech, но плечист и могутен,
 Любя и леса, и семью,
 Живет здесь лесничий Лагутин
 В душисто-сосновом раю.

Бородка курчавится. Брови
 Лохматы, и очи остры.
 Стерлядку на удочку ловит.
 А мимо плывут осетры.

Сторожка стоит у протоки,
 Протока впадает в Иртыш.
 Ах, лилии возле осоки!
 Ах, эта таежная тишь!

За ласковой тьмью черничной
 Веселые звезды зажглись.
 Я вижу, как счастлив лесничий! —
 Он смотрит загадочно ввысь.

14–15 января 2004 г.

Августовская гроза

Катился гул грозы до Камеруна,
Как будто в бочку кто-то гулко бил.
И вздрагивали у гитары струны.
Иртыш вскипал,
Он с небом говорил.
И кот ничейный выл от перепуга
Среди безмолвных каменных домов.
Я гнев небесный понимал, как друга.
— Скажи, куда уйти мне от грехов:
Вина, сомнений, женщин и пиров?
— Без них не будет жертвенных стихов...

1986 г.

* * *

Наталье Н.

Боюсь сказать тебе «прощай»,
Шепчу с улыбкой «до свиданья».
Ты на рассвете вспоминай
Мое веселое признание.
И этот древний парк любви
И ту березоньку-певунью
Ты береги,
                  и в сны мои
Придешь ты вместе с нею юной.
У Сысоли на берегу
Явись ты —
                  поздняя отрада,
И я, узнавший Красоту,
Опять с тобою буду рядом.
Парит наш вызов миру лжи,
И равнодушия, и хамства.
Звучи, симфония души,
И с нами навсегда останься.

1990 г.

Серебряный бор

Бор сосновый душист и лучист,
 Воздух — северное сияние.
 И... каюра пронзительный свист —
 Как нежданное расставание.
 Он увиденным всем восхищен, —
 Иней звездный, пушистый, искристый,
 И олений восторженный стон:
 Ягель стал на глазах серебристым.
 Наступил перезвон кополух¹,
 Бор сосновый в осенней работе:
 Клу-клу-клу,
                   олу-олу-олу... —
 Серебристые струны в полете.

2001 г.

---

¹ Кополуха — глухарка.

Три залпа

Заснежена древняя площадь.
Здесь рота солдат при штыках.
И чует беду твоя лошадь
С безумной искринкой в глазах.
Лететь она травами хочет,
Ей дикая воля нужна...
Вы ждете восставших рабочих,
Их красная песня слышна.
И плещется горе в том пеньи,
Голодные дети кричат...
Солдаты твои из деревни,
Они исподлобья глядят.
Все ближе мятежные люди,
Их надо уже усмирять.
Ты понял —

солдаты не будут

В собратьев по духу стрелять.
Тебе, капитану и князю,
По чести —

нет хода назад.

Сомненья кончать надо сразу,
Чем быть на штыках у солдат.
И пуля готова в нагане
Покончить с тобой навсегда...
Остался один ты у мамы —
И новая зреет беда...
«Но ради чего я погибну?!» —
Вдруг гневные мысли пришли.
И крикнул: «За веру обидно!
Три залпа в честь Господа... пли!»
И лица солдат посветлели.
Стреляли — как в Пасху весной.
Винтовки на снег полетели,
Настало братанье с толпой.

2–3 ноября 2004 г.

* * *

Эстрадной певице Кате Лель

У Кати Лель глаза обворожительны.
В них столько тайны, муки и огня,
Что мир без них
                  не будет восхитительным!
И Катя — это праздник бытия.

13 июля 2004 г.

Прощенье

Над Бештау мои облака,
Отдохнуть они сели на склоны.
Вижу, вижу я издалека
Пятигорск и каленые клены.

Пламя нежно горящих рябин,
Пламя осени, как эстафету,
Принесли облака от Оби
К незабвенной оgrade поэта.

Я однажды сюда приходил.
Тихо плакал. И дождь моросил.

Помню — ехал, сияли леса,
Улыбались бессмертные камни.
Стали хмуриться вдруг небеса,
У вокзала туманными стали.

Так пришел я к поэту в туман,
Ива ближняя словно молилась...
И сегодня — не верю глазам —
Та погода во всем повторилась.

Видно, тайна какая-то здесь
У разумной божественной силы...
Я прощенья просил у небес, —
Может, вправду мы в чем-то повинны...

Вдруг порывистый ветер подул,
В небе тотчас случилось движение.
Путь открылся в лучах в высоту, —
Был он, видимо, знаком прощенья.

11–12 октября 2004 г.

* * *

*Олегу Дороганю —
с душевным признанием*

Эта листвень в расцвете и силе
И священной слыла на миру.
Но однажды я страх пересилил
И тихонько погладил кору.
И отпрянул —

малыш пятилетний,

От нее наказания ждал.
Встрепенулись пахучие ветки,
На вершине глухарь скрежетал.
И пахло теплом,

словно кто-то

Гладил голову нежной рукой.

Глянул ввысь,

в глубину небосвода, —

Шло сиянье из бездны златой.

Я, взволнованный, в избу ворвался.

— Листвень гладила, мама, меня...

И никто надо мной не смеялся.

Мать смотрела, улыбку тая.

— Знать, защитницей будет, — сказала, —

У священных всегда свой секрет.

А душа моя вся трепетала,

В ней тогда и проснулся поэт.

9 декабря 2003 г.

Дом писателей

*Ганичеву Валерию Николаевичу —
Человеку и Писателю*

У Дома писателей в Ханты-Мансийске
До облак деревья —

такая земля.

Меж кедров березы нежны, серебристы,
Они словно сестры —

надежна семья.

Хозяева Дома — художники слова,
Волнует их души любая беда.

И люди, чья жизнь нелегка и сурова,
С надеждой и верой приходят сюда.

Я чувствую в Доме — небес озаренье,
И ласка Природы струится с ветвей.
И души обиженных ищут спасенья.
Спешите же в Дом!

Он — во имя людей.

9–12 ноября 2004 г.

Ночной поединок

Юрию Марковичу Нагибину

Я с лесом — один на один.
И словно бы слышу усмешки
Шумящих под ветром вершин,
Не знающих горя и спешки.

Я сверху кажусь муравьем,
Смешной заплутавшей букашкой.
Мелькает порой окоем
Тонюсенькой огненной плашкой.

Уж сутки вторые иду,
Потеряна к дому дорога.
Вещают деревья беду,
И в сердце стучится тревога.

Внезапно погас окоем.
И звуки, и шорохи всюду.
Скрипит, как протез, бурелом,
Очнулся какой-то Иуда.

И жутко хохочет сова,
И сердце заходится в стуже.
Спешите на помощь, слова,
Вы тоже нуждаетесь в друге.

Читаю, читаю стихи
Под хохот каких-то чудовищ.
Пылают, пылают стихи,
И солнце спешит мне на помощь.

А чаща ворчит и скрипит.
Луч солнца уж рядом, похоже.
И вот он слепяще горит,
И... тают мурашки на коже.

Деревья собою ясны,
И ветка ласкает мне щеку:
Пройди-ка до старой сосны —
И к дому увидишь дорогу.

1987 г.

Медвежатник

Он был большерук и огромен,
И тайна своя у него:
Он шел на медведя
И, кроме
Ножа,
Не имел ничего.
Судили в деревне, что это —
Не удадь, одно баловство.
Но падали наземь медведи
От хватки железной его.
Не ведал, наверно, таежник,
Куда свои силы девать,
И в прятки со смертью нарочно
Ходил он в урманы играть.
И снова он страшные меты
Несет на лице за увал.
И снятся ночами медведи,
Которых в бою обнимал.

1990 г.

* * *

Пламенеет дорога заката,
И оранжевый пепел летит.
В эти дали идти бы не надо,
Там священная речка горит.

Кто-то мне отомстил искушенно
За доверчивость и мятежи.
Я стою на развилке безмолвно,
Кружит пепел над полем души.

Не дожидаться от милой прощенья
За мои гулевые грехи.
Ничего уже нет для спасенья.
Может, только вот эти стихи...

2001 г.

* * *

Памяти друга Юрия Громова

Однажды

великодушно

К владыке пустили меня.

Глядел он устало, бездушно,

Как будто был деревом я.

— Чего же ты хочешь, несчастный? —

Спросил, недовольно сопя.

— Вы вправду владеете счастьем? —

Осмелился выпалить я.

— За дерзость такую — темница!

Сомненья для смертного — блажь!

И тело пронзила зарница, —

Прощеньем владыку уважь.

— Простите, великий и вечный,

В мученьях я духом ослаб...

— Похвальны послушные речи,

Мне нужен юродивый-раб.

Сказал я ему, негодуя:

— Идущий не станет рабом...

Окончилась дума ночная,

Погаснул загадочный сон.

23 ноября 2004 г.

Видения

Приходят к Отшамову часто
 Видения этой зимой.
 Закружит, завьюжит ненастье —
 У печки находит покой,
 Согбенный, печальный седой.
 Сегодня прилег он, болезный,
 И вдруг —
     колокольцы¹ звенят.

И кони, как в сказке известной,
 В окошко смеются, храпят.
 Он ахнул.
 Душой встрепенулся.
 Мелькнуло: «Неужто она?..
 Неужто на старость вернулась
 Моя молодая жена?..»
 Вскочил ошалело со стоном.
 Дверь настежь —
     навстречу Судьбе.

Ударило снегом.
     А кони
 Вздымались в крутящейся мгле.
 Не чувствуя ног деревянных,
 Упал он на снежный порог...
 И тут же воспрял он от раны:
 Болели и ухо, и бок.

¹ Колокольцы — местное произношение слова «колокольчики».

Он двери захлопнул. Знобило.
В глазах то видение было:
В кошевке сидела она —
Его молодая жена.

На улице тишь. Ни снежинки.
Закат за тайгой отгорел.
На окнах растаяли льдинки.
Отшамов в раздумье сидел.
Все годы, как дым, пролетели.
Он пил, по селеньям кружил.
Жену молодую сгубил.
Кому до него теперь дело?!
Остались виденья одни
На эти остатние дни.

2003 г.

В сенокос

Шалаши, костерки и стога,
И вечерние песни от леса.
Нежно-розовых облак завеса,
Каждый любит сегодня луга.

Ты уснула в седьмом шалаше.
Твой платок, цвета алой рябины,
Он, прищепкой от ветра хранимый, —
Тайный знак —
        как цветок на меже.

Зарождается чудо в ночи
От любви —
        благодатное ведро...
Как прохладны упругие бедра!
Как же груди твои горячи!

Потрясают до вскрика меня
Токи тела —
        прохлады и зноя.
И не будет мне больше покоя,
Это чувствую трепетно я.

Мы отдельно ушли на покос,
Старины почитая законы.
Не вольны мы — повсюду препоны,
Мы живем под навесом угроз.

И на празднике луга потом
Мы глазами искали друг друга.
Для чего эта тайная мука?!
Вскоре грянул разгневанно гром...

7–10 июня 2004 г.

К любимой

*Любящая жена — великий стимул
для творчества.*

Автор

Гляди же, гляди же влюбленно, —
Я стану писать и писать.
Сегодня ты в мире огромном —
Как солнце восхода, как мать.

Гляди на меня, улыбаясь.
И, чувствуя силы прилив,
Я сам про себя, не стесняясь,
Трехтомный придумаю миф.

Прошу — покупай ожерелья,
Прошу — разори меня в прах,
Чтоб не было дня для безделья,
Чтоб жил для тебя я в делах.

И вот она — слава, признание...
Ты даришь мне тоже букет.
Да светится наше вниманье! —
Мы вместе на крыльях побед.

8–9 декабря 2002 г.

Береза и старик

Леопиду Максимовичу Леонову

В два топора они ее рубили —
Старик и сын,
Плечистый, молодой.
И кольца годовые уходили,
Чтоб позабыть навеки возраст свой.
И на вершине звезды затухали,
А может, уносились ввысь они.
И опустил топор старик устало,
На сына глянул: «Малость отдохни!..»
Они присели, жаркие, хмельные,
На шелковистый, ласковый бугор.
И в тишине, как пятаки литые,
Упали с веток капли на топор.
И борода качнулась беспокойно,
И словно что-то опалило грудь.
Старик, восходом ярко озаренный,
Поднялся,
чтоб на дерево взглянуть.

Закинув руку левую за спину,
 К глазам он руку правую поднес
 И, словно чудо, увидел вершину
 В сиянье улыбающихся звезд.
 Глядел еще бы,
                   да глаза слезились,
 Спина заныла —
                   и вздохнул старик.
 В душе его отныне поселились
 И бездна неба, и березы лик.
 И взял он непослушными руками
 Топор тяжелый, что-то прошептал.
 И снова опустил: перед глазами
 Стоит береза, небеса обняв.
 — Устал, отец? — услышал голос сына.
 Потом услышал стуки топора.
 Подумал: «Сын... такой красивый, сильный...
 А мне, наверно, помирать пора».
 И гром по лесу —
                   рухнула береза.
 И вздрогнул, и нахмурился старик.
 Шагнул с бугра,
 В глазах стояли слезы,
 И все качался тот зеленый лик.

1980 г.

На заре

Ой, ветерочек парус гонит...
(Из русской народной песни)

Есть бор сосновый за Ишимом,
Он августом давно любим.
Он вечером в лиловом дыме,
Утрами — нежно-алый дым.
Когда вдали заря забрезжит,
В мгновенья эти помолчим:
Ласкают бор сосновый нежно
Восхода первые лучи.
Река Ишим у сосен медных
Струится чистым серебром.
С вершин летят, проснувшись, ветры,
Цветы волнуются кругом.
Малина сыплется в ладони,
Грибы зовут из-под кустов.
И ветерочек парус гонит
Попутно стае облаков.
Кто ты у паруса —

мятежный

Поэт?

А может, рыболов?

За горизонтом — край мой снежный,
Он путников обнять готов.
Я здесь в гостях.

И бор сосновый

Я полюбил, как дом родной.
Спасибо, август мой фартовый,
За кров, за песню над рекой
И за туман в тиши лесной.

* * *

*Это стихотворение навеяно романом
В.С. Пикуля «Баязет»*

Близ Ванской дороги стоит Баязет.
Повсюду сражений отчаянных след:
В песках ятаганы, мортиры, клинки...
И скалы рыдают в ночах от тоски.
Им столько жестокостей видеть пришлось!
Сказанье об этом длиною до звезд.
И ясно уже, что народы Земли
С рожденья дорогой ошибок пошли.
Ни дня без сражений. Восходы в крови.
А созданы все для трудов и любви...
Планета сегодня как тот Баязет:
Мы, люди, — носители горя и бед.

2003 г.

Песня каюра

Другу-поэту Алитету Немтушкину

Не коси на меня взгляд свой карий.
Переждем непогоду —
и в путь.

Я сегодня немножко усталый,
Разреши мне, олень, отдохнуть.

Даже звезды сегодня промокли
В этот майский отчаянный дождь.
Я бы чум подарил тебе теплый, —
Все равно из него ты уйдешь.

Ты мечтаешь о тундре цветущей,
Чуешь запах морошки сырой.
Это тропы касланья, дружище,
Не дают нам покоя с тобой.

1979 г.

Голос идущего ребенка

Если мать не слышит сына —
Зов его в себе, у сердца, —
Мать уже не любит сына,
Мать уже теряет сына, —
По-небесному поверьте.

У нее опять в стакане
Водка.

Мать красна, довольна.
Умоляет крошка: «Мама,
Ты не пей...
Мне больно, больно».

Мать не слушает ребенка,
Позволяет что угодно.
Он кричит, невинный, звонко,
Он идет в наш мир убогий.

Мамы он сейчас боится,
Он сейчас не верит маме...
Сам потом и превратится
В крикуна и хулигана.

2003 г.

* * *

Метель в холмах Ханты-Мансийска.
И каждый лог —
                                как белый грот.
Я чутко слышу —
                                где-то близко
Старинный санквалтап¹ поет.

Наверно, это звуки елей?
А может, снегорей мотив?
Всегда рождается в метели
Таинственный о крае миф.

Из леса мадуры² выходят
В медвежьих шубах и кисах.
У них — удачная охота,
Улыбка светится в глазах.

Они мне по отваге близки,
Мне с ними быть душа велит.
Метет метель в Ханты-Мансийске,
Шаманской пляской веселит.

2001 г.

---

¹ Санквалтап — мансийский музыкальный инструмент.

² Мадур (манс.) — богатырь.

Деревенские девки

Молочные, грудастые, ядреные,
Выходят девки с песней на бугор.
Мечтами молодыми заряженные,
Спешат покинуть свой домашний двор.

Азартно пляшут девки ягодинские,
Аж галька осыпается с бугра.
Ах, крали! Ах, зазнобушки картинные!
В вас бродит молока по два ведра.

И рядом с вами парни голосистые,
Они гулять готовы до утра.
А дома сеновалы ждут тенистые
И матери кричат: «Домой пора!»

Идете вы лебедушками, павами,
Как будто позади остался бал.
Галина знак дает глазами карими —
И парень проскользнул на сеновал.

Снимает Галя платье серебристое,
Она Илью заметила давно.
И знают травы теплые, душистые —
Еще одна любовь пришла в село.

Вздыхают девки жаркие и нежные,
Налиты страстью белые тела.
И понимают грешные, безгрешные —
Настала свадеб шумная пора.

2001 г.

Ручей Вогулка

*Писателю, другу
Маргарите Кузьминичне Анисимковой*

Дремлют у Вогулки ивы,
Березняк вблизи певуч.
Клевер смотрит торопливо
В голубые ямы туч.
Фиолетовый, душистый
Он прижился у ручья.
Здесь изгиб ручья тенистый
В полдень навещаю я.
На ветвях поют синицы —
Звуков нежная волна.
Черно-огненной зарницей
Промелькнет порой желна.
Журавлиный крик последний
Обретаю для души.
Все на радость, все целебно
В этой божеской глуши.

Июнь 2004 г.

Золотой абрикос

Однажды в праздник 7 ноября нам, воспитанникам интерната, дали в обед стакан сока и консервированные фрукты: пять диковинных золотистых абрикоси.

Автор

Шла война. Дни летели лихие.
Я в деревне заснеженной рос.
Там и встретились в жизни впервые
Я и ты, золотой абрикос.

Был красив ты и ласков со мною,
Ты о юге мечту подарил.
Облака провожал я весною,
Говоря, что тебя полюбил.

Были фрукты в диковинку всюду
В комарином сосновом краю.
И решили таежные люди,
Что растешь ты в беспечном раю.

И приехал к тебе я однажды, —
Море фруктов, и соков полно.
Только ты утолишь мою жажду!
Но с улыбкой дают мне вино.

Говорю я: вина мне не надо,
Я мечту издалека привез —
Воскресите же детства отраду! —
Дайте мне золотой абрикос.

18–19 января 2004 г.

На синем болоте

Брату Володе

В Шаиме синие дожди,
И кроны сосен также сини.
За голубикой нам идти
В лазоревый моросный иней.

У тети Вари крепкий дом,
Он словно база для похода.
Мы от крылечка —
вчетвером —
Идем в лесистое болото.

В просветы туч голубизна
Потоком теплым в сердце льется.
И лес от радости смеется,
Лучиста каждая сосна.

На кочках ягоды — синё,
Она осыпалась до срока.
И смотрит, стрекоча, сорока,
Как мы берем ее вино.

Берем горстями, от души,
Мы принесем домой веселье.
Ликует лес. Дожди ушли.
Для всех вокруг — отдохновенье.

22 сентября 2003 г.

* * *

Прохлада вечернего лога,
 Брусникой усыпанный склон.
 И в мир этот нынче, ей-богу,
 Я словно ребенок влюблен.

Мне вдруг показалось, что завтра
 Не будет вот этих стволов
 И этой березовой арки,
 Зовущей в объятья цветов.

Мне вдруг показалось, что завтра
 Не будет полей и дорог,
 Моя черноглазая Матра
 Не выйдет ко мне на порог.

Не будет, не будет, не будет
 Ни ветки,
   лишь пепел и смерть...

Простите меня, мои люди,
 И ты мне, березка, не верь.

Да разве такое возможно —
 Чтоб наши исчезли леса, —
 Когда мое сердце тревожно
 И ваши бунтуют сердца?!

Живите, деревья, у лога!
 Цвети, мой оранжевый склон!
 И в мир этот нынче, ей-богу,
 Я словно ребенок влюблен.

1987 г.

* * *

Доколе матери тужить?

Доколе коршуну кружить?

А. Блок

О Время, чувствую тебя!

Твое прикосновение жгуче.

По твоему велению тучи

Исходят ливнями,

скорбя

О юных душах и умах,

Ушедших до поры из жизни.

Ты призадумайся, Отчизна,

О матерях,

они в слезах.

Я слышу, Время, голос твой:

Доколе быть России в плаче?

Неужто жить нельзя иначе?

Живем, как на земле чужой...

Идем с оглядкой,

в сердце дрожь.

Уже чужою стала ночь,

У ней в руках играет нож.

И скоро станет день невмочь

Нам удержать для смелых дел.

У каждой муки есть предел.

«Доколе матери тужить?

Доколе коршуну кружить?»

1989 г.

* * *

На желтых листьях — седина
Лосиной шерсти —

память гона.

Лосиха на яру хмельна,
Боками вздрагивая, стонет.

Сохатый, поломав рога,
Обрел ее в бою жестоком.

На бурых листьях тальника
Лежит соперник одиноко.

Сентябрь неистов,

дерзок он, —

Охалками бросает листья

В глаза лосихе,

в морду лисью,

Он распалил лосиный гон.

Сентябрь неистов, как цыган,

И в пляске, и в любви горячей.

Гуляет он.

А по ночам

Он, грешник кающийся,

Плачет.

19 января 1998 г.

К жене

Мы не верим речам обещаний,
Положи-ка мне руки на плечи.
Позади нас века расставаний,
Впереди — поле темное сечи.

Мы в России, как все, —
на распутье,
Мы не знаем, куда нам податься.
Те гуляют, как Гришка Распутин,
Эти гордо решили стреляться.

Русь несет свою чашу страданий
Терпеливо,
с надеждой на Бога.

Но терпенье у этой дороги
Бесконечным, мы верим, не станет.

Я беру твои руки, целую:
«На земле или в небе —
до встречи».

Позади видим пашню седую,
Впереди — поле темное сечи.

1996 г.

* * *

*В свое время в Пицунде мы, отдыхающие поэты,
подолгу сидели вечерами у моря, у костерочка,
и вспоминали... Особенно Лермонтова*

У моря костерок горит.
Поэты молодые,
До времени седые,
Сидеть здесь будут до зари.

Им нужен парус на ветру,
Им этих далее мало,
Они огонь свой берегут,
Чтобы скорей светало.

И верят — с розовой волной
К ним парусник причалит.
Поручик выйдет молодой
Походкою усталой.

Печальны темные глаза.
Он, улыбнувшись, скажет:
«Сюда идет моя гроза,
Она вам все расскажет.
У костерка прилягу я,
Устал от жалоб моря.
Спасите парусник, друзья,
От ярости прибоя.
Уже гремит.
Засну на миг,
Со мной заснут печали...»
Так ясен был поэта лик
И так отчетлив грома крик,
Что все поэты встали.

Исчез мираж.
Грозу тая,
Катился вал ворчливо.
Стояли музы сыновья,
Им стало сиротливо.

21–22 августа 1989 г.

* * *

*Воистину милой и красивой
Олесе Кайгородовой*

Ты идешь.
Ты как волна,
Та, девятая, шальная.
И не надо мне вина,
Жизнь с тобой нужна иная.

Ты несешь себя как свет,
Как подарок царский миру.
Ты меня спасешь от бед,
Ты мою возвысишь лиру.

Приближение твое
Для меня как сладость муки, —
Вот бы взять тебя на руки,
Унести в свое жильё.

Ты идешь.
В восторге я.
Где же тот счастливец, люди,
Кто ее любовь разбудит,
И она его полюбит,
Скажет: «Я теперь — твоя...»

Сентябрь 2003 г.

И видит орлан...

*Котову Гелию Николаевичу,
старшему егерю Елизаровского заказника*

В заказнике праздничный гам.
Вернулись домой турухтаны,
Нарядны они, словно ханы,
У них кружевные кафтаны.
Но смотрит сурово орлан,
Не знает орлан суеты.
Привычно его отчужденье,
Ветла и гнездо — как именье,
Здесь выросло пять поколений
Для жизни
и для высоты.

По-царски взирает орлан
С высокой ветлы на просторы.
Лебяжий волнуется стан,
Казарки накрыли озера.
Искра удивленья в глазах
Сверкнула как молния сверху:
В заказник нагрянули стерхи
На танцы в зеленых лугах.
Они грациозны в цветах,
И слышит ночами орлан
Неслыханный в мире орган.

11–12 мая 2004 г.

Воскресная верба

*Наталье Герасимовой,
народной артистке России*

Скоро Пасха в старинном Самарово,
Верба ждет перезвона пасхального.
По-над кручей стоит серебристая,
Словно тучка апреля пушистая.
Теплый ветер летит с моря Черного:
«Ты очнись ото льдов, даль озерная,
Даль кедровых холмов, даль таежная,
У тебя на яру — дочь пригожая.
Небо славит ее воскресение,
Все звончее скворцов краснопение,
И она во цвету — удивление.
Я дарю ей платок желто-розовый,
Скоро я прилечу к вербе с грозам!».
Ветер птицей летит над Самарово.
Верба ждет перезвона пасхального.

2001 г.

СКИТ

Зеленую крышу скита
 Не видно в лесу даже птицам.
 Зеленые всюду цвета,
 Лишь рыжие половицы.
 Сухой, словно ветка, старик
 Не ходит,

а словно летает.

Он время не замечает,
 Он — древней истории лик.
 Глаза студены и тихи,
 Покой в них давно воцарился,
 Он Божьей судьбе покорился,
 А ноги и руки крепки.
 Чернеют иконы в углах,
 И всюду — пахучие травы.
 Он знает:

давно в небесах

Все люди, искавшие славы.
 А он вот живет.
 И видеть,
 Ему еще долго светиться
 И силою духа крепиться —
 От Бога ему благодать.
 Он схимник. От мира не надо
 Ему ни куска, ни глотка —
 Лишь неба нужна красота.

20 декабря 2003 г.

* * *

Есть удивленье — видеть мир
И слышать зов сердец в смятенье;
И слушать снегиря зимы,
Познав девчонки нетерпенье.

Но в мире есть жестокость, ложь
Измены и страданья ближних.
Пожары, снегопады, дождь
И много благородных лишних.

И думал Бог: не даст мне зло
Гармонию восстановить на свете.
И... озарение пришло —
И создал Бог тогда

ПОЭТОВ.

17 ноября 2004 г.

ДЕНЬ

БОРЕНЬЯ

*Так жизнь скучна, когда боренья нет.
Лермонтов, 1831-го июня 11 дня*

Но душа каждого человека —
это поле, на котором борются
два человека: один — ищущий
только такого блага себе, которое
было бы благом и других людей,
и другой, животный человек —
идуший блага только себе и для
этого блага готовый пожертвовать
благом всего мира.

Л.Н. Толстой. Воскресение

* * *

Я пришел из священных лесов
В мир,
    изломанный ложью, враждою.
Детство кануло в тайну веков,
Только вера в Россию — со мною.
С этой верой живу и люблю,
В доброте не ищу утешенья.
Мои чувства и мысли — в бою,
Я — воитель дороги боренья.

17–23 мая 2005 г.

Сестры милосердия

*Посвящается женщинам санатория «Ажманка»
Тюменской области. Раздумья тех исторических
сестер отвечают раздумьям нынешних патрио-
ток Отечества.*

Автор

Россия, твоё оправдаем доверие!
От звуков оркестра румянится даль,
И движется поезд сестер милосердия
На поле сраженья, где гром и печаль.

Ах, сколько, сестренки, вы мук испытали!
И стоны, и зовы мужские для вас...
Солдаты вам души свои доверяли,
И вы возвращали их к жизни не раз.

Крестьянка Седых и княгиня Аверина
И сотни других благородных сестер,
Мы вам от любви, восхищенья поверили,
И слава о вас велика до сих пор...

* * *

Ты в руке держала ветку
Майской лиственни моей,
Удивляясь далям, ветру
И бесстрашию стрижей.

Ты сама как ветка мая,
А повсюду — бурелом.
Было трудно нам, родная,
И в сердцах рождался стон.

Но Природа улыбалась,
Ты — дитя и цвет ее.
И нужна была не жалость,
А внимание мое.

Было ветрено и снежно.
Но, как солнышко любя,
Часто-часто,
Нежно-нежно
Целовал я, друг, тебя.

Ты от радости сияла
И гордилась, видно, мной,
Потому мы в жизни стали —
Как две радуги весной.

2001 г.

Казанский вокзал

Каждый день я хожу на Казанский вокзал.
Он шумит, словно в бурю разгневанный вал.
Тыщи судеб!

Коснуться бы каждой плеча,
О страданиях, о радостях миру крича.

Этот дядя все ищет, где жизнь сахарин,
Эта бабка торопится на Сахалин.
И в печали она.

А в ее-то летах
Да при сыне московском...
ходить бы в мехах.

Что меха!

Ей бы сына улыбчивый взгляд.
Но любимый сыночек мамаше не рад.
Стала лишней в богатой квартире она,
И пошла на вокзал...
бабка Фрося одна.

Ой, Казанский вокзал! Ой, Казанский вокзал!
Ты надежда, и любви, и отчаянья вал.

Вот веселый грузин. Вот печальный эвен.
Рядом в карты гадают цыганка Кармен.
Плачут дети, и ругань, и смех, и галдеж, —
Только через вокзалы Россию поймешь.

Все куда-то мы едем, спешим и спешим —
От Карпат к океану, обратно — в Ишим.
И головушку склоним в безымянном краю.
Что мы ищем?

И правду, и веру свою.

1987 г.

Предсказанье

Порою колокол гудит —
Единственный на колокольне.
Он словно будущее зрит,
Ему за бездуховность больно.
За тех в окрестных деревнях,
Чья жизнь течет бездумно, пьяно,
В пустых и мелких грешных днях,
Словно окутанных туманом.

К монастырю дороги нет.
Здесь три войны прошло сквозь стены.
И воздух пропитался тленом
И стонами жестоких бед.
Но колокол надеждой жив:
Придет к заблудшим вознесенье —
И воскресят они творенье
Минувших лет,
                    как древний миф...

В одеждах белых монастырь.
Всевышний силе Духа внемлет,
На подвиг осеняя Землю:
«Спасетесь светом Доброты».

12–14 июля 2005 г.

Березовские дали

Белы березовские плесы,
Красны у яра берега.
Березы рушатся с откоса.
С обрыва падают века.
Когда над Сосьвой рухнул берег
И кто-то крикнул: «Ой, потоп!..» —
Упал он, словно камень серый,
Тяжелый меншиковский гроб
В пучину вод реки таежной
И до предела ледяной.
— Неужто наказание Божье?.. —
Шептал вблизи казак хмельной.
Он, Меншиков,
                  с молвой обвенчан.
И люди говорят не зря,
Что гроб из лиственницы вечен.
Лежит он в яме осетра...
Березов чуден майской ночью.
Иду я, красоте дивясь,
Зеленой лиственничной рощей,
Ее сажал Светлейший князь.
Его часовня возродилась,
По-новой слава расцвела.
...Его почтенную могилу
Природа в дали унесла.

2000 г.

Знак печали

Поэту Дмитрию Мизгулину

Самые красивые печали
В жизни
                                у задумчивых людей.
И глаза у них обычно кари
Или синие,
                                как у морей.

Лермонтов, свой парус провожая,
Снова видит,
                                как его отца
Парусник уносит в дали мая
По вельню высшего Творца.

Лермонтовский парус —
                                знак печали
О родных, о буре, о судьбе.
Все, кто это чувство испытали, —
В небесах имеют по звезде.

1 мая 2004 г.

Утреннее явление

Озеро в оранжевом тумане.
Мама косит алую траву.
Слышен голос: «Я на воду встану,
Для измены лилии нарву...»

Это верно —
                    желтый цвет к измене.
Видимо, русалка рвет цветы.
И наверняка меня обманет,
Сгину я от наглой красоты.

Желтый цвет шел на меня, качаясь...
Темный, рыжий, алый — все цвета.
Девушка высокая нагая
Шла,
                    ссыпалась искрами вода.

Замер очарованно и пьяно,
Закружилась сладко голова.
Вскрикнул гоголь в тишине тумана,
Шелестела под косой трава.

Шла победно, гордо, окрыленно,
Трепетной волнуня наготой.
Этот мир, восходом озаренный, —
Весь явила девушка собой.

1 мая 2004 г.

Казнь

Ведут Его —

глава седая.

Глаза —

осколки от зари.

Опять толпе не видно края.

Ой, любит казни, хоть помри!

А на помосте —

на погосте

Палач в лиловой маске, черт.

Он ждет на пир кровавый гостя,

О палец пробует топор.

Помост отдельный, величавый

Для государева двора.

Ведут на жуткую расправу

Очередного бунтаря...

Все в этой казни — вне природы,

В ней — одурь власти и беда,

И шрамы в памяти народов

Не исчезают никогда.

Все в этой казни — против неба.
 И мой вопрос — велит душа:
 Неужто для потехи, слепо
 Толпа сейчас
                                 на казнь пришла?

Но... кто-то плачет,
                                 кто-то ищет
 Опоры, на плечо склонясь.
 Плечистый дядя, явно нищий,
 Кулак вздымает, не боясь.
 Шепчу: «Простите, христиане,
 За крик сомнения в груди.
 Теперь,
                                 коль казни час настанет,
 Мне легче не помост взойти».

*13 марта 2005 г.
 День Прощения*

* * *

Деянья наши —
в траурной кайме.
Уж слишком в прошлом много было горя —
И миллионы павших на войне,
И миллионы павших от террора.
Мы вновь сурово судим, говорим.
Но даже после всех ошибок горьких
Нет снова милосердия к живым —
Мы милосердьё бережем
для мертвых...

1988 г.

Забытое кладбище

Безутешней нету места,
 Тишина, покой окрест.
 Толя, Толька, друг мой детства,
 Где же твой могильный крест?

Память птицей белокрылой
 Улетела в даль дорог.
 Даже матушка забыла
 Твой печальный бугорок.

Позабыты папы, мамы,
 Позабыты сыновья,
 Позабыты ветераны,
 Спят, печаль свою тая.

Веру в правду, нашу веру
 Время бросило к ногам...
 Толя, Толька, друг мой верный,
 Ты ушел из жизни сам.

День сегодняшний двуручный,
 Я сейчас тебе — судья.
 Ты посеял равнодушие,
 Проклинаю я тебя!

Если я забуду брата,
Мать забуду, сын шальной, —
Ты приди ко мне, расплата,
Одиночеством, тоской.

Поднимаю крест упавший
И оградку обновлю.
Спи, дружок мой беспшашный,
За двоих я жизнь люблю.

1977 г.

Лейся, свет благословенья

Три часа. Небес свеченье —
 Панихида тишины.
 В первый раз души волненье
 Не исходит от весны.

А весна всегда прекрасна.
 Ледоход. Скворцы. Цветы.
 Но впервые от напасти
 Нету зова красоты.

Мир наживы и насилья
 Русь мою заполонил.
 Убывают Божьи силы,
 Те, что в сердце накопил.

И от злой житейской хмури
 Ум туманится людей.
 Ждут в ночи нас, друг мой, пули
 И зарницы от ножей.

Ночь пытаются злые силы,
 Ночь хотят отнять у нас,
 Ту, что в детстве мы любили
 И о помощи просили,
 Если злой стучался час.

День святой — небес даренье,
 Ты, рожденный для боренья,
 Стяг возвысил над собой,
 Лейся, свет благословенья, —
 Наступает смертный бой.

7–19 апреля 2005 г.

К Неве

Поэту Николаю Астафьеву

Сегодня ты — как дикий зверь,
Но укрощенный, усмиренный.
И я стою, в тебя влюбленный,
Я тоже милостив теперь.
Мы гнев оставим про запас.
Он пригодится нам с тобою,
Когда нас призовут к покою:
Оставьте честный свой рассказ!
И мы тогда покажем нрав,
Как дети верные Природы.
Вздымай, Нева, повыше воды!
Ведь кто сильнее —

тот вроде прав.

Мы против этого — навек!
И потому с тобой бунтуем,
От правоты своей ликуем,
От правоты лесов и рек.

1978 г.

Повинны сами

Мы сами допустили, люди,
В стране растленности шабаш.
Стоит угрюмо на распутье —
Запомните! —

наследник наш.

Какой пойдет он вдаль дорогой?
Какую веру обретет?..
Но страшно,

если томик Блока

Он даже в руки не возьмет.
Махнет на Гоголя рукою,
Чайковского не будет знать.
И вот с бездумной головою
Начнет святыни продавать...
О раб несчастный инвалюты,
Ты нужен времени на миг!
И даже в небе слышен, люди,
Тревожный материнский крик.

Март 2000 г.

Герои России

Клянитесь, люди, поэтам и творцам земным...

Виктор Астафьев

Герои есть еще в России,
А с ними мужество, любовь.
В свирепой стуже, в стуже синей
Идет на полюс Конюхов.

И, как моряк на реях в бурю, —
А вдруг покажется земля, —
Он, космонавт, в небесной хмури
Антенну правит корабля.

Не спит в ночи художник века,
Не спит великий Глазунов:
Он пишет образ Человека,
Который к подвигу готов.

Их мало, нынешних героев, —
Поэт, творящий на заре;
Геолог, путник топей, хвои;
Ученый с думой на челе.

Идет народ с надеждой в храмы.
О, Господи, от мук спаси!
О людях страдает постоянно
Наш Патриарх всея Руси.

Россия... Взлеты и паденья.
И взгляд врагов из-под руки...
Нужны героев поколенья,
Нужны для вечного спасенья
Не единицы,

а полки.

Декабрь 2002 г.

Березов славен соболями,
 Оленями и вьюгой злой...
 Шли декабристы в эти дали,
 И политссыльных вел конвой.
 Встречал гостей Березов снежный
 Тревожно,

но давал им кров.

И становился сам мятежным,
 Бывал, как Ваули¹, суров.
 Но станет пасмурно и страшно
 И предкам, да и нам самим,
 Когда на поиски отважных
 Вдруг равнодушно поглядим.
 Да будет вечно в душах юных
 Гореть мятежный, смелый дух!
 Об этом пойте людям, струны,
 Об этом пой всегда, нар-сьюх²!

1988 г.

¹ Ваули Плеттомин — предводитель хантыйской и ненецкой бедноты.

² Нар-сьюх — хантыйский музыкальный инструмент.

Апрельское признание

В центре города роща берез.
Льдистый снег принакрыла пороша.
Я любовь свою в рощу принес,
И она стала миру дороже.

Прилетели сюда снегири,
Даже сойки сюда подоспели.
И, поверьте, от света души
Сразу ветви берез потептели.

Значит, нужен я роще берез.
Здесь свиданье порой назначаю,
Незнакомку по-царски ласкаю,
Слыша эхо летящих к нам
гроз.

Значит, держит душа моя связь
С небесами,
С призывами Марса.
Роща полнится звуками вальса —
То ликует весенняя страсть.

26 апреля 2004 г.

Семь идолов

Их запрятали в чаще немой.
Листвень старая тайны не выдаст.
Островок-крутояр над рекой,
Где живет, по преданию, Выткась¹.
Кедры навек сцепились вокруг,
Корни змеями в речку упали.
И витал по округе испуг:
Здесь, мол, Выткась часто видали.

Их доставил на остров в туман, —
Грозных, маленьких, черных, как угли, —
Ечик, черноволосый шаман,
Пряди длинные были, как угри.
Ечик знал свое дело —

шестом

Закрепил он у яра колданку
И по корням поднялся потом...
Стали духи жить в стане шайтанском:
Семь спасителей славных родов,
Семь венчающих славу вогулов...
Самострел уже третий готов,
И капканы неведомы пуле.
А в селенье бушует Старик:
Жжет амбары, зовет на крещение.
Плачет Ечик. Он тоже Старик,
Но другого в миру посвященья.

2004 г.

¹ Выткась — злой лесной дух, похожий на большой вывороченный пенёк.

Гуманоид дед Егор

*Истинному таежнику —
Петру Николаевичу Филатову*

Пятьдесят последнего размера
У порога валенки стоят.
Страх наводят на любого зверя,
Глухари в испуге вдаль летят,
Если в этих валенках зимою
Дед Егор
Выходит на простор.
И качает снежной головою,
Восхищаясь великаном, бор.
Воздух
    скрипом валенок расколот,
След метровой — от носка до пят.
Ходит здесь страшила-гуманоид, —
Стар и мал в округе говорят.
А один ученый из Свердловска
След Егора годы изучал.
И по этой теме —
    очень броской —
Восемь диссертаций написал.
Он идет — наш гуманоид века,
Делая громадные шаги.
Он во всем похож на человека.
Валенки вот... больно велики.

1988 г.

* * *

У себя на таежной родине, в священном кедровнике, мы часто находили боевые стрелы и позеленевшие черепа — приметы давних сражений.

Автор

От порывов живительных ветра
Вдруг стрела поднялась из хвои.
Удивились священные кедры:
Вновь стрела захотела войны.
А стрела, оперенье расправив,
Зашипела: «Я крови хочу.
Там, где скоры сейчас на расправу,
Как на праздник,
туда полечу».

И, сверкнув боевым опереньем,
Засвистела, умчалась стрела.
Долго кедры вослед ей глядели:
«Добровольцем по миру пошла...
Это самое гнусное дело —
Если черная в теле душа...»
И однажды звезда известила:
Пеплом стала стрела кедрача.
Нет ни памяти. Нет и могилы.
Ни одна не зажжется свеча.

8–9 декабря 2003 г.

Гатчинские лиственницы

В Гатчинском парке есть поляна священных лиственниц.

К слову сказать, некогда прекрасный парк запущен ныне до крайности.

Автор

1

Они громадны, как дубы.
 Кора ажурна от резьбы
 Ветров и темноглазых туч.
 Воркует у поляны ключ.
 Он корни лиственниц поит,
 Он с кроной каждой говорит, —
 Мол, в парке я живу не зря:
 Здесь Пушкин целовал меня;
 Я помню смуглый быстрый лик,
 Ко мне он весело приник.
 Поэт смеялся и шутил:
 — Наверняка тут Бахус был,
 Вино из ковшика пролил...
 Потом ходил вокруг дерев,
 Как будто среди грозных дев,
 Почтительно касался их,
 Отныне — от него — святых.

2

Стволы их словно из железа.
 Уединенные от леса,
 Растут свободно, широко,
 И хвое дышится легко.
 Она, как шелк, нежна, душиста,
 А в сентябре желта, огниста
 И даже сквозь снежок горит
 И снегирей к себе манит.

3

К поляне мостик шаток, хил,
От времени, бедняга, сгнил.
Но чудом держится. И мне —
Мечтателю о старине —
Пришлось на цыпочках идти.
И сердце ёкало в груди, —
Как будто крокодилу в пасть,
Боялся я сейчас упасть.
Ручей темнел. Он был глубок,
Я это чуял, как зверек.
Но жилистый рукастый сук
Сказал мне: «Я тебя спасу.
Держись!» — и я на берегу.
Свое дыханье берегу.
Поцеловал я знойный ствол:
— Дружок, я вновь к тебе пришел.
Поляна, здравствуй! Я, твой гость,
Преодолею твой Чертов мост.

4

Дыханье лиственниц священных,
Могущих, к жизни вдохновенных,
И ток живительный стволов
На время дали свежий кров.
И, как в языческих краях,
Где лиственницы на ярах
Нас привечают для спасенья,
Я здесь нашел родные сени.

2001 г.

Старинный тракт

Сто лет назад здесь шел торговый,
 Шумливый и опасный тракт.
 И слышал этот лес кедровый
 Лихие песни, свист и мат.
 Через Тобольск везли с Востока
 В соболий край шелка, хурму,
 Наряды для красавиц строгих,
 Тазы из меди, ружья, хну...
 Он, тракт, петлял рекой, лесами,
 Бежал болотами порой.
 Возы сопровождал ночами
 Казачий сабельный конвой.
 Купцы крикливые спешили
 Сбыть до распутицы товар.
 И были лошади как в мыле,
 Валил от бедных белый пар.
 Случалось здесь —

оленьи нарты

Людей спасали от беды.
 Когда взбухали в теплом марте
 Болота от шальной воды.
 И приходилось гатить топи,
 Всегда с собою топоры.
 Изведал тракт немало скорби,
 Тому свидетели боры.
 Да и сейчас на сердце жутко,
 Когда увидишь черепа
 Позеленевшие,

как будто

Распорядилась так Судьба.
 Где тракт шумел, звенел, смеялся,
 Сегодня тишина стоит.
 Лишь ворон с трактом не расстался,
 Он на тропу его глядит.

1998 г.

В Рождество

Почему святую воду любим?
Видно, грех свой оставляем ей? —
Спрашиваю я подругу Любу
И касаюсь налитых грудей.
Повела бровями
  и зарделась,
Чую — тайну прячет за душой.
Глядя в небеса свои, разделась,
Опустилась в прорубь с головой.
Снова плеск —
  глаза ее сияют.
Смотрит, улыбаясь, на меня.
Видно, в глуби водной прозревают
Женщины с грехами бытия.

*22 января 2005 г.,
3 часа ночи*

Покинутая деревня

На березах сияние риз —
 Словно это церковное диво
 Принесли им из дедовских изб
 Люди,
     жившие в мире красиво.

На березах сиянье зари,
 Только-только лучи появились.
 Птиц языческих клювы открылись,
 От экстаза молчат глухари.

И во всем — это древнее свойство
 В деревеньке забытой, глухой.
 Пролетело крылатое войско,
 Душно каркая, выиграв бой.

Рады совы, что избы скрипучи.
 Рады волки —
     есть что воровать.
 И сюда надвигаются тучи.
 Не останусь я здесь ночевать.

15 декабря 2003 г.

* * *

Близ дома Сергея Уклонова
Дорога уходит в леса.
«Зовет меня в страны знакомые», —
Тоскуют Сергея глаза.

Сидит он босой на завалинке
В одежке опрятной и старенькой.

«Спешит она, знаю, в Угорщину¹...
И далее... в край каравелл...» —
Сергей свою бороду тощую
Щипал, на дорогу глядел.

Он в 36-м был в Испании.
Он Венгрию с боем прошел.
Любовь потаенную, странную
Он к странам чужим приобрел.

Теперь он слывет созерцателем,
И чудаком, и мечтателем.

Вот этой дорогой в колдобинах
Он в мир уходил, как гонец.
Испанию зрит словно родину,
И Венгрию чтит как отец.

12 декабря 2003 г.

---

¹ Угорщина — так западные украинцы называют Венгрию.

* * *

Поэту-другу Леониду Сидорову

Постанывая, лебеди летели.
 А мужики качали головами:
 — Смотри, крылами машут еле-еле...
 — Лиха дорога выпала... Устали...

Зачем так рано прилетели птицы?
 Кругом снега,
 Студеный ветер вест.
 Знать, на чужбине им уже не спится,
 Весной любовь в душе крылатой зреет.
 На зов любви взлетают в небо стаи
 И в край рожденья своего стремятся.
 Встречают их порой метели в мае,
 Озера распахнуть себя боятся.
 Летают стаи, плача и страдая, —
 Найти бы где им уголок приюта?!
 Разверзлось небо вдруг, в лучах сияя,
 И хлынул дождь спасения оттуда...
 Озера, реки обрели дар речи
 И подарили птицам теплый вечер.

26–28 апреля 2004 г.

На каникулы

Закутанный в тулуп, сижу
В кошевке, на душистом сене.
Молчит пушистый темный лес.
Да скоро ли мое селенье?!

Лошадка медленно идет,
Она в сонливость явно впала.
Вдруг дикий хохот лес накрыл,
Мне до озноба жутко стало.

«Не бойся, детка, — слышу я
Насмешливый басок возницы. —
Пугает филька — черт лесной,
Ему ночами-то не спится».

Дорога лунная скрипит,
Деревья сонные вздыхают.
Ждут мама с бабушкой меня,
Они давно по мне скучают.

Возница весел: «Вот и мы —
В столице глухариной нашей.
Она, поверь, по всем статьям
Зимой Москвы туманной краше».

Багряны в избах огоньки.
Курятся трубы, пахнет дымом.
С кошевки падаю в сугроб.
Потом влетаю в дом родимый.

1987 г.

Прощальная тройка

*Я — деревенский человек.
Санки и тройка — как образы моего детства,
моей отшумевшей жизни, — всегда со мной.*

Автор

Ах, санки! — вы детства начало.
Ах, тройка! — печальный конец,
Когда отзвенит у вокзала,
Всплакнув о былом, бубенец.

С кошевки, как та незнакомка,
Которую видел Крамской,
Взглянула насмешливо-тонко,
Как будто уже я чужой.

Я понял — навек расставанье.
О, Господи, так же нельзя!
Она оглянулась прощально,
Судьба оглянулась моя.

Судьба окаянная знала —
Готов мне терновый венец.
Видать, потому у вокзала
Прощально всплакнул бубенец.

20 ноября 2004 г.

Исповедь первооткрывателя

Не проиграли в карты, — слава богу! —
Не выкинули в воду втихаря.
К тюменской нефти первая дорога —
Великая и дикая пора.

Что нам терять, российским бедолагам!
Готовы мы хоть к черту на рога!
Мы за деньгой пришли
и крыли матом
И комарье, и топи, и снега.

Сюда, в балки, под крышу бурелома,
Слетелись мы со всех российских мест.
Ни матушки, ни сына и ни дома
У Лёшки-гитариста в мире нет.

И я как перст.
А у Петра в кибитке
Осталась мать-цыганка кочевать.
Она сказала явно по ошибке:
— Рублёвки научись, сынок, считать.

Он тратил сотни на вино и женщин,
Он этой жизни, видно, был не рад.
И часто пел: «Я с волею обвенчан.
И я тебе, начальничек, не раб».

Сбежал он вскоре. Кровь, видать, разыграла.
Великодушно лес его простит.
А сколько летунов здесь побывало! —
Один придет,
а семь от нас летит.

Подзаработал я тысчонок двадцать —
Их промотать я маханул на юг.
Осталась сотня, помню.

Возвращаться
Пора пришла. А что поделать, друг?..

Таким макарком трижды был у моря.
И снова возвращался я в балок.
В хмельном чаду вдруг виделись озера,
И буровая, и весенний ток.

И прикипел я, черт, к земле таежной
Душой и телом.

А потом семья
Опорой стала доброй и надежной...
Вот такова, брат, исповедь моя.

1973 г.

Сенькин завод

(по мотивам народной песни)

Вспоминаю я детство трудное,
Михаил наш тоскливо поет:
«Год по году, по кирпичику,
Мы построили Сенькин завод».

Не пойдем никак: почему Москва
Из деревни нас в город зовет?..
Год по году, по кирпичику,
Растащили мы Сенькин завод.

По велению да кремлевскому
С песней ринулись в трудный поход.
Год по году, по кирпичику,
Вновь построили Сенькин завод.

Но пришли года очень странные:
Все великое не в расчет.
Нам приказ дала Москва-мачеха —
Мы разрушили Сенькин завод.

Много лет прошло,
Только проку нет.
И Россия печально поет:
«Год по году, по кирпичику,
Восстановим мы Сенькин завод».

2003 г.

Снежная буря

Капризны в жизни наши весны.
Ты на деревья посмотри:
За ночь седыми стали сосны
И побелели снегири.

Метель и утром не утихла,
Над лесом кружится она.
Синицы спрятались от лиха.
В испуге мечется желна.

Она от головокруженья
В ненужный столб стучит, стучит.
Олень с понятным сожаленьем
За ней внимательно следит.

И в мире человека то же
В дни бури —
                                  море суеты...
Нам вечно не хватает, Боже,
В себе красивой правоты.

Март, 2004 г.

Священные горы

Метель вокруг Ханты-Мансийска
Метет, куражится, кружит.
Скрываются в сугробы лисы,
У кедров Дед Мороза вид.

Мой город на горах кедровых,
Семь гор священными слывут.
Они весной темно-лиловы,
В июне радужно цветут.

Гора Моленная, как репа,
Кругла
и от цветов желта.
Тут разговор ведется с небом,
И Бога услышать — мечта.

В двух километрах от Моленной —
Гора Священного огня.
Шаман взывал к мирам Вселенной, —
Мол, помогите нам, друзья!

Семь грозных идолов таились
В кедровнике своей горы¹.
В лихие дни куда-то скрылись,
Не видно их до сей поры.

В Самарово, где вид раздольный,
Бывали Брязга, Беринг, Брем.
И Николай Второй невольно
Был этой «горкой»² восхищен.

¹ Здесь автор имеет в виду гору Семи идолов.

² Николай Второй произнес, глядя на Самаровскую гору: «Хороша горка».

Нам дарит мини-водопады
 Гора Хрустальных родников.
 И люди, словно дети, рады
 Виденью в водах облаков.

Угрюма даже белой ночью
 Гора Пихтовых падунов.
 Здесь можно видеть стаю волчью
 И смертный бой лосей-быков.

У этого святого кедра
 В Долине³ есть своя гора.
 Он бережет ее от ветра,
 Когда цветения пора,

Когда подснежники синеют,
 Звенят апрельские ручьи,
 И белки под лучами млеют,
 И всюду аромат хвои.

2001 г.

³ В Долине ручьев находится гора Священного кедра.

Голоса любви

Памяти М.А. Шолохова

Речь ведет сегодня Дон
О казачке милой,
Как она веселым днем
В казака влюбилась.

Ночью запах трав пьяней —
Донник и цикорий.
Слышен стон далеких дней:
— Я твоя, Григорий...

Голос ласковый, родной
Над обрывом синим:
— Будешь ты навек со мной,
Милая Аксинья.

А в лазоревой дали —
Злой войны тревоги.
Как века, часы любви,
Как дымок дороги.

Расстаются две души
Навсегда, на горе.
— Ты, Аксинья, не тужи...
Ты прости, Григорий...

2002 год

Чудотворные дали

Сыну Ивану

У природы есть места волшебные, —
Чувствуешь душою благодать.
Травы и цветы растут целебные,
Воздуху и звукам исполать.

Вспоминаю Ендырское озеро,
В рыжей хвое
                    золотистый яр.
Белка, на меня уставясь,
                                    цокала,
Скрипы-звуки посылал глухарь.

Эта радость нового познания
Ожила в Синицынском бору.
Неспроста бытует здесь сказание,
Что Христос в крестьянском одеянии
Тут ходил однажды поутру.

Дали чудотворные России
Лермонтова, Пушкина носили,
Льва Толстого, Чехова вспоили.

У России этих далей много.
В этом сила наша, слава Богу!

2-4 декабря 2004 г.

* * *

Снега летят.
Растут сугробы,
А кое-где и терема.
Уютно зайцу под снегами,
Смежил глаза. Теплынь и тьма.

Метелью филин недоволен;
Ни крикнуть, ни захохотать;
От частых злых пощечин ветра
Приходится моргать, чихать.

Не спится белке любопытной,
Нет-нет и шмыгнет из дупла.
И верещит она ехидно,
И хвост в работе, как метла.

Ель и густа, и величава.
Средь веток — спальня снегиря,
Он слушает концерт метели,
Он слушает, печаль тая,
Он ищет звуки для себя.

*23–24 ноября 2001 г.,
санаторий «Ахманка»*

В зябкую ночь...

В середине деревни кудрявые кедры.
 Нас они привечали и ночью, и днем.
 Прохожу возле них окаянные метры
 За чужим —
 Самым сладким в миру огурцом.

В эту зябкую ночь аромата и дрожи
 Тетка Дина-колдунья —
 Мы чувствуем — спит.
 Эта ночь колдунами нас сделает тоже,
 Огурец самый сытный
 Унести нам велит.

В темень сада,
 Как в омут душистый, ныряем.
 Где же ты, огурец?..
 Их, ребята, полно.
 Лезут сами в карманы,
 По-детски вздыхая,
 Видно, знают, что любим их,
 Ждали давно.

Для двоих из ребят эта ночь станет горькой, —
 След останется темный на крыльях годов...
 Рассказала деревне колдунья на зорьке,
 Что с гряды убежало пять больших огурцов.

18–19 февраля 2004 г.

* * *

Тане Архаровой

Троекуровский бор по ночам бедокурит:
То свистит, то хохочет, то бурю зовет.
На рассвете глаза ярко-рыжие щурит,
И деревья в тумане ведут хоровод.
Это Кунцево.

Сосны на кладбище в небо
Смотрят так —
словно слушают голос Христа.

Здесь я в домике жил,

и светила мне Вега,

А в другое окошко стучалась беда.

На Рябиновой улице жил я полгода,

И решил я вернуться в края глухарей.

Провожала в дорогу меня непогода, —

Мол, зачем покидаешь Москву, дуралей.

Я вернуться решил в свои трудные дебри,

Но зачем я Татьяну оставил одну, —

Ведь в столице гуляли бездумные ветры,

Приобщая сограждан к распутству, к вину?..

Вскоре стали мы с юною Таней чужими.

О возвышенной жизни — смешной разговор...

Вспоминаю одно —
как порою утрами
Убегали влюбленно в загадочный бор.
Позади оставались и склоки, и ссоры
Недостойных соседей, ворчливых родных.
Покорять бы свои нам житейские горы!
Но в дурной суете мы не знали о них.
С тем пришло к двум сердцам расставанье навеки.
Что с тобою? И где ты?

Не ведаю я.

Я один.

И по-прежнему светит мне Вега.
Но живу я, вину пред тобою тая.

1987 г.

Сатана

Давайте наконец признаемся: зло всегда конкретно. Абстрактное понятие зла внедрено в умы людей сознательно во избежание ответственности наказания за лихие дела. Есть конкретные люди — посетители зла, и есть люди с миссией добра на свете, как, например, А.Н. Толстой.

Автор

Захлебнулся падун темнотою,
Застонал и погладил кусты.
И звезда загорелась свечою,
Словно у изголовья беды.
Ночь опасна внезапностью зверя,
Где-то здесь Сатаны балаган.
Испокон это чудище верит,
Что повсюду начнется бедлам.
Днем он бродит в одежде крестьянской
По селеньям и рынкам, как тать.
Сеет распри в среде мусульманской,
Католической и христианской,
Он умеет и ссорить, и лгать.
Он является ночью лохматым
На украденном в поле коне.
Но одежды злодея богаты,
Это видно при яркой луне.
Загорается свечка в окошке,

Долго желтое пламя дрожит.
Слышен хохот.

И — голос истошный
Неразумной плененной души.
На заре уже нет балагана.
Красноватый клубится туман...
Где резня,
где хозяйствует пламя —
Сатана обязательно там.
Он меняет обличье и царства.
Он на тронах султанов сидел.
Он недавно в одном государстве
Пил, расстреливал, песенки пел.
Равнодушные, слабые люди
Сатане, словно воздух, нужны.
Потому на планете повсюду
Люди снова в сетях Сатаны.

1998 г.

Дорога в поля

Та дорога в поля сохранилась,
Словно память ее берегут,
Чтоб в округе земля возродилась,
Чтобы люди работали тут.

Помнит Ендаков Фрол воскресенье,
Поднимается пар над землей.
Он идет по дороге весенней
В синекрылой рубашке своей.

Улыбаются возле дороги
Зеленя, зеленя, зеленя...
Улыбнитесь и вы, люди Бога,
Сберегите поля и меня.

Был он первым в селе полеводом
И за это имел ордена.
Но пришли лихоимские годы —
Оскудела его сторона.

Нет машин,
Все поля опустели.
Но у Фрола задумка своя:
И в грозу, и в жару, и в метели
Ходит он по дороге в поля.

И торит посошком он дорогу,
Пусть послужит для новых полей.
И по воле печального Бога
Фрол взывает к терпенью людей.

2002 г.

* * *

Смеется над нами дитя.
Мы, взрослые, так не смеемся.
Нам нужно взглянуть на себя
Глазами ребенка.
Вернемся
К своей изначальной черте —
К доверчивости и доброте!
Мы в этом клянемся, клянемся...
Потом над собою смеемся.

1979 г.

Слово о финской войне

Финская война... Позорная и странная не только для советских людей.

Бесстрашие и жертвенность красноармейцев — с одной стороны, с другой — жестокость, чванство и бездарность кремлевских маршалов.

Автор

1

Молчат до срока доты.
А в лоб на них идут
Простуженные роты
И... погибают тут.

Идут полки лавиной,
Мороз до сорока.
И падают безвинно
В багряные снега.

Понятие о флангах
Забыто. В лоб идут.
Торопятся и танки,
Чтоб плавиться в чаду.

Но весел Ворошилов, —
В Кремле застольный смех, —
Мол, шапками,
Да с пылу —
Мы закидаем всех.
И Мехлис — как пружина
От злого куража,
В военном деле — мнимый,
И черная душа.

2

Не думают о славе
 На финской стороне:
 Не справиться с Державой
 Их маленькой стране.

Задумчив Маннергейм:
 Исход предвидит он —
 Страну мы потеряем,
 Солдатом враг силен.
 Российского солдата
 Барону ли не знать!
 Он у него, собрата,
 Учился воевать.
 А нынче с тем солдатом
 По року — как враги.
 Солдат дерется с матом,
 И все ему с руки.
 Барон просить у Бога
 Победы не привык.
 Европа даст подмогу,
 Британский слышен рык.
 Принять ли ту подмогу? —
 Вопрос стоит ребром.
 Россия на пороге,
 Она пришла с мечом,
 Пылающим огнем.
 Меж двух огней Суоми —
 Как девушка — сгорит.
 И для спасенья Дома
 Пусть Разум говорит...

3

Отец мой был в Суоми
По воле не своей,
Оставив в бедном доме
Трех маленьких детей.
Он шел в колонне стройной
Зимой на смертный дот.
От крови обреченных
В озерах таял лед.
Ни в чем солдат Суоми
Я нынче не виню.
Языческого дома
Я исповедь храню:
Священны дом и дети
Везде на белом свете.
За них сложи в бою
Ты голову свою.

10–11 января 2004 г.

Письмо другу

Каневу Василию

Когда зовет меня надежда,
Спешу: тебя увижу вдруг.
Гостеприимный дом, как прежде,
Стоит, но нет тебя, мой друг.

Малинник, в нем овсянок стайка,
И столик, где мы пили чай.
Но не хватает шустрой лайки
И голоса: «Восток, встречай!»

Восток бежал ко мне навстречу —
Колечком хвост, глаза с пятак...
Видать, всему приходит вечер,
Всему на свете.

Как же так?!

Стою. Замок висит на двери,
Такой холодный и немой.
И вдруг — глазам своим не верю:
Восток идет.
— Восток, родной...

Да что с тобою? Еле-еле
Идешь. Ведь это я же, я!
Он поднял голову несмело —
И сердце сжалось у меня.

Он плакал.
Он вздыхал и плакал,
Уткнувши голову в траву.
Бывает час, моя собака,
Я так же вот друзей зову.

Восток, забытый, одинокий,
Я помогу тебе, дружок.
Письмо мое летит далеко
С тревогой и укором строк.

1987 г.

Исповедь маньщика¹

Нет, я от хозяина не уплыву,
 И вольного неба не надо.
 Резиновый я,
     но, поверь, оживу
 От крови крылатого брата.

От зависти можно и ласковым стать,
 И щедрым, на время, конечно.
 Мне селезня надо под выстрел послать,
 Чтоб стал он, как я же, потешным.

Лети же ко мне в оперенье цветном,
 Мой брат, мой вожак и красавец.
 Когда упадешь ты с разбитым крылом,
 На время уснет моя зависть.

У берега плавает тихо маньщик.
 Летит к одинокому стая.
 В скрадке притаился охотник-старик,
 Двустволка гремит огневая.

1988 г.

¹ Маньщик (местное наречие) — резиновая утка.

Природа смеха

Смеются часто нарочито,
Фальшиво —
якобы смешно.

В душе тогда молчит обида,
Тогда ей, бедной, все равно.

Смеются громко, заполошно,
Переходя порой на визг.
Мне за таких особ тревожно,
Им отдала повадки рысь.

Смеются сочно, с переливом,
К нам даже, мол, —
слеза пришла.

Угодливость и суетливость,
Знать, затаила та душа.

Смеются тонко, осторожно... —
О детстве человек забыл.
В нем чувства пылкие, возможно,
Навек рассудок заглушил.

Смеется юность беспричинно
И удивительно за всех.
И смех залиvistый, невинный...
Живи везде ребенка смех!

22 февраля 2004 г.

* * *

Зачем ты смерти хочешь, бабка

Матрена,

в 90 лет?

«Уже я солнышку не рада,

Меня от мук избавит смерть.

Не сплю.

Покоя нет.

Страдаю.

Но слышу, как скворец поет.

Душою песню понимаю —

Он в небеса меня зовет».

22 января 2005 г.

День укрощения огня

Писателю Зоту Тоболкину

Идем таежной целиною,
Почтенье к кедрачу храня.
У нас сегодня, друг, с тобою
День укрощения огня.

Пылают сучья и поленья.
Но с ветром что поделать нам?!
Летит он с быстротой оленьей
И гонит пламя по снегам.

Обломками сырой лесины
Берем огонь лесной в кольцо.
А полог хвои синий-синий,
И в хвое, друг, твое лицо.

Тебя кедрач живописует.
И укрощенный —
В землю врос —
Огонь ласкается, воркует,
Сейчас он словно умный пес.

Убережет он и от зверя,
И от пурги,
Так помни, друг:
Пока в свои удачи верим —
Беде не взять нас на испуг.

Мы дорожим своей свободой.
И для тебя, и для меня
Он дорог, этот день похода,
День укрощения огня.

1980 год

Случится исход

У края веселого лога
 Поляна, глядящая в дол.
 Рыбак по фамилии Стогов
 Здесь домик для жизни обрел.
 В орнаментах стены и ставни,
 А крышу венчает глухарь.
 Жена, миловидная Анна,
 Для Стогова — божеский дар.
 Глаза ее — синие волны —
 Ласкают и силу дают.
 Живут они мило и вольно —
 Судьбу обретают свою.

Не сразу тайга помогает.
 Она, как суровый творец,
 Сначала следит, наблюдает,
 Как ладишь ты первый торец.
 Она привечает терпенье,
 Заботу, сноровку и лад.
 Она отмечает мгновенья,
 Когда ее зло матерят.
 Жестокость и лень не прощая,
 Она нерадивому мстит:
 Смотри — уже нет урожая,
 Смотри — уже баня горит.
 Но Стоговы стали друзьями
 И бора, и рыбной реки.
 Их балуют рощи грибами,
 А воды порой осетрами —
 Все есть для друзей у тайги...

Андрей ТАРХАНОВ

В окно мое верба стучится.
Она, как пролетная птица,
Из города к соснам зовет.
Я знаю, что скоро случится
В природу великий исход.

5–7 февраля 2004 г.

* * *

Незабываемое утро —
 Горит заря, в огне Туман.
 И сердце пламенеет — будто
 Душа открыла путь словам.
 Лечу над спящею деревней,
 Черемухою пахнет лог.
 Да кто же я?
 Сказитель древний?
 Еще неведомый Пророк?
 Вы спите, люди. Спите сладко,
 Я ваш покой оберегу.
 За ваши муки, неполадки
 Поплачу я на берегу.
 А маме снится сон тревожный, —
 За то, что я правдив и смел,
 Меня уводят злы, безбожны,
 Два конвоира на расстрел.
 Вы спите, люди.
 Я, страдаю,
 Вернусь домой. Услышу я:
 — Ты где, мой сын?
 — Я здесь, родная.
 Я улетал в твой края.

1997 г.

Ночной поезд

Другу-поэту Кязю Гурбанову

В печальной мгле луна-фонарь
Оранжевого цвета.
Мой поезд озаряет даль,
Он — движитель рассвета.
С Востока мчится поезд мой
На Запад темный, хмурый.
Леса родимые стеной
Стоят как перед бурей.
Они глядят с надеждой вслед:
Да станет свет желанным!
Смотрите, заалел рассвет,
Ушли с небес туманы.

Восток и Запад — вечный спор:
Кто выше? Кто главнее?
И отвечает Солнца взор:
Восток сейчас мудрее.
Он ищет тайну бытия:
Как можно жить без войн?
С вопросом этим еду я,
Поэт, любви достоин.
Гонец Востока — поезд мой.
Рассвет за мной пылает.
Но неохотно Запад злой
Ворота открывает.
Не верит помыслам святым,
Не верит в дружбу Запад.

Он верит слиткам золотым
И думы в сейфы прячет.
Берлин, Париж...
С трудом пришел
Мой поезд к океану.
Я вижу беспокойный дол,
Тревога неустанна.
Лучи ласкают тихий вал,
Лучи пришли с Востока.
Простор угрюмый воссиял.
Окончена дорога.

1--14 августа 2004 г.

Причуды жизни

(с улыбкой)

На правом берегу реки

Урман:

пихтач, лога, чащоба.

Медведь со сна ревет утробно,

Снуют везде бурундуки.

Я здесь бродил с мелкашкой меткой,

Наивных рябчиков искал.

Надзор меня домой прогнал

И на прощанье шлепнул веткой.

Тогда на плесах Иртыша

Рыбалкой я занялся тихо.

Надзор, от ярости визжа,

Меня домой спровадил лихо.

Куда податься? — думал я.

И приобрел ларек отменный.

«Навар» велик от кружки пенной!

Зачем мне лес и плес, друзья?!

12–13 декабря 2004 г.

Каравелла в пути

Паруса каравеллы де Фриза¹
 Из тумана выходят белы.
 От лучей серебрятся, как ризы,
 От соленых ветров тяжелы.

Позади ураганы и грозы.
 Перед ними — глухой Сахалин.
 Обнимают друг друга матросы:
 Новый остров открыт —
 Исполин!

И де Фризу открытие мило.
 На клинок опираясь, глядит.
 Для мечтателей всходит светило,
 Для отважных на небе парит.

Вот залив — на краю приключений,
 Долго он в безымянности стыл.
 Дал де Фриз ему имя Терпения,
 Весь корабль
 Тем терпением жил.

По велению мелодии бриза,
 Доверяясь попутным волнам,
 Каравелла лихого де Фриза
 Вновь ушла в грозовой океан.

3–5 февраля 2003 года

¹ Де Фриз — голландский мореплаватель.

Небесный подарок

Я иду по тропинке устало.
За плечами паёвка¹ полна
Спелых ягод, оранжево-алых,
Тяжелее и ноет спина.

Я бреду за печальной мамой.
Отдохнуть бы и маме пора:
Двадцать верст по глухому урману
Отмахали сегодня с утра.

И сосна по велению тучи,
Увидав нас,
                                у тропки легла.
Не придумать нам отдыха лучше,
Чем на ложе удобном ствола.

Мама веки смежила и дремлет,
Облегченье течет по ногам.
А душа моя юная внемлет
Звукам грома, лесным голосам.

---

¹ Паёвка — местное название берестяного кузова.

Я впервые у радуги вижу
Два сияющих чудо-крыла.
Улыбается ближе и ближе...
Вдруг на крыльях меня понесла.

И паёвку мою не забыла,
Вместе с мамой нас к дому несет.
...Подарила небесная сила
Мне мечту на волшебный полет.

16–18 марта 2004 г.

Крым

*Константину Яковлеву, Леониду Чеховичу — в
честь наших встреч на Крымской земле.*

Автор

Косынкой маков алых
Повязаны поля
У Ялты, Балаклавы,
У Симферополя.

Ах, Крым! — мечта поэтов,
Лазурная волна.
Дельфины на рассвете,
Морская книга дня.

А в парке Коктебеля
Из рая соловьи
Мне ночью песни пели
На парусе любви.

Мне нынче уж не просто
Доехать к вам, друзья:
Возле границ погосты,
Угрюмы те края...

У рыжих скал привальных
Я вижу ваш костер.
Вам шлет привет печальный
Мой темнохвойный бор.

Апрель 1993 г.

Прощай, моя шальная жизнь!

(романс)

Прощай, моя шальная жизнь!
Умчались тройки ветровые,
А с ними девы молодые
В страну, где удаль, смех и риск.

Прощай, моя шальная жизнь!
В страну беспечных нет дороги,
Там правят чувствами не боги,
А красота девичьих лиц.

Прощай, моя шальная жизнь!
Тебя я мысленно целую,
Как эту рощу огневую,
Где облетает красный лист.

Прощай, моя шальная жизнь!
Прощай, шампанское и вина!
Сейчас шепчу я у камина:
Вчерашний день, ко мне вернись.

1986 г.

* * *

На той стороне Тараскуля¹
Берез зоревые огни.
Ты эти восходы любила,
Несли утешенье они:
Исчезнут обиды и ссоры,
Покой возвратится в семью.
И муж, озорной и веселый,
Признается снова: люблю...
Надежде своей улыбнулась:
«Ах, жизни лихое весло!
Все то,
    что я сердцем любила,
Куда же, куда унесло?!»
Вспорхнувшее в небо светило,
Берез погасило огни...
Ты мужа-поэта любила
В его вдохновенные дни.

16–18 июля 1999 г.

---

¹ Тараскуль — название озера.

Тажная сказка

Туман¹ у Каменной горы.
 Она отвесна и угрюма.
 Здесь Ураган жив до поры,
 Он обитает тайно в чуме.

Когда баркасы рыбаков
 В озерные выходят воды —
 Он, Ураган, ко злу готов —
 Небесные качает своды.

И начинает злиться Гром,
 И молнии людей пугают.
 И, омываемы дождем,
 В залив баркасы уплывают.

В залив глядится Папи-лог².
 Улыбчивы деревьев лики.
 Сюда, по слухам, ходит Бог
 Поестъ целебнейшей черники.

¹ Туман — огромное озеро в Кондинском районе.

² Папи-лог (манс.) — священный лог.

Залив спасает рыбаков.
Валы ревушие стихают
И к карасям на дно ныряют, —
После дождя щедрей улов.
Баркасы снова уплывают.

Красив, задумчив Папи-лог
Весной, и летом, и зимою.
Таит он страшных пять берлог,
Залив же всех зовет к покою.

Я здесь бываю в листопад,
Залив тогда огнем пылает.
Мой Ураган покою рад,
До мая в чуме засыпает.

26 февраля — 5 апреля 2003 г.

* * *

Рушит время любое жильё.
Но душа...
        это тайна от Бога.
Плоть слаба.
        Угасанье ее
Первым видит небесное око.

И когда умирающий Фет
От огня вдохновенья воспрянул,
Посуровел веселый рассвет:
«Воскрешать Вашу плоть
        я не стану».

Удивился признанью поэт.
А рука все дрожала, дрожала...
Согласиться душа не желала
С тем,
        что высказал нынче рассвет.

И рванулась душа в небеса,
Сохранив молодую отвагу.

И упало перо на бумагу —
В тот же миг полыхнула гроза.

4 мая 2005 г.

В Тамани

Мэру города Г.Г. Майкову

У кручи бурного залива
Поэт задумчиво стоял.
Темнели туч седые гривы,
И закипал девятый вал.
Но чей-то парус с упоеньем
С той стороны спешил сюда.
Поэт всегда любил боренье,
И в том, видать, его беда.
Тамань — досада для поэта,
Он жаждал новых встреч, страстей...
И улыбнулся на рассвете,
Увидев, — нет его вещей.
Пропал мундир, кинжал, шкатулка,
Но мысли, как туман, легки.
Прощай, Тамань! Скучна разлука,
Но жди гонцов, мои стихи...
Прошли века.
Поэт в Тамани
У кручи той опять стоит.
Он, гость великий и желанный,
Со всеми нынче говорит.

15 августа 2004 г.

* * *

Снимая казенную маску,
Житейской боясь новизны,
Уходят на отдых,
                  как в сказку,
Высокие наши чины.

Поверив в бессмертие чина,
А значит, персоны своей,
Они, как послушного сына,
Послушных лепили людей.

И сами послушными были
Пред теми,
                  кто выше стоит.
О днях милосердных забыли,
Но память на старости... мстит.

И вот на ухоженной даче
Один из таких стариков
Проснулся под утро от плача,
Проснулся от горестных снов:

Стоит у могилы дорожной.
Пустые родные поля.
Приснились ему, как нарочно,
Забывтые в бедах друзья.

Он сел.
Тишина роковая.
Она — как судья для него.
И тихая капля скупая
Упала в ладошку его.

И боль —
Словно в сердце заноза,
И ты, человек, не дыши.
И понял —
Да это же слезы
Его покаянной души.

1987 г.

Материнские сосны

*Памяти великой Матери —
Людмилы Ефимовны Яковлевой*

Тоскуют кондинские сосны,
Качаясь над яром седым.
Им снятся капризные весны
И тот,
    кто навеки любим.

Они мою душу растили —
Волненье и песню мою
И нежно, как сына, любили
В бурном и хвойном краю.

Но парус однажды явился,
Я ночью отправился в путь.
Вы спали,
    и я не простился,
Успел, как на маму, взглянуть.

Сегодня от вас я далеко.
И часто я вижу во сне,
Как вы с материнской тревогой
Склоняетесь тихо ко мне.

1986 г.

В угодьях Китайкина

Дружески — Ивану Никитовичу

Словно коровушки, бродят медведи,
Сыты, добры, тяжелы.
Ставит хозяин на озере сети,
Вяжет морские узлы.

Он, будто кряж,
Мускулистые руки.
В жизни ему не грози.
Любят его по-таежному щуки,
Нежно глядят караси.

Он, словно царь,
Чудо-остров имеет.
Звери в окошко стучат.
Душу его романтическую греет
Зимней порою свеча.

Он зажигает ее просветленно.
В книгу —
Как в рощу уйдет.
И восклицает в ночи удивленно:
— За душу Чехов берет...

29 сентября 2003 г.

Обще-житие

Общежитие студентов-северян в Ленинграде на улице Желябова в конце 50-х и в начале 60-х годов стало воистину легендарным. Отсюда в то время вышли родоначальники национальных литератур Крайнего Севера и Дальнего Востока.

Автор

О это общежитие у Мойки,
Где каждый третий — истинный поэт!
Где по-солдатски заправляют койки,
Где строфами приветствуют рассвет.

Есенин, Блок...

Как будто с нами вместе

Живут,

законам жизни вопреки.

Их строки —

их взволнованные песни

На мандолине дарит нам Санги.

И словно с нами выступает Пушкин, —

На вечерах он каждый раз звучит, —

Стихи читает Алитет Немтушкин —

Эвенкский удивительный пиит.

Мы — дети жизни трудной, неумной,

Но... чуем град и зрим звезды полет.

Рытхэу, обаятельный и скромный,

В чукотскую ярангу нас зовет.

Он бережет свой род.
Людей так мало,
Поддержку неба надо бы иметь...

И потому, наверное, Шесталов
Мечтает нынче в Космос улететь.
«Спасенье всех — в космическом сознанье!..» —
Взывает Юван с берегов Невы.
Не слышит он таежников признание:
«Ты в чуме день хотя бы поживи...»

Друзей-поэтов свято чту решение —
С народом быть всегда в родном краю.
Ледков уехал к тундровым оленям,
И Лебедев — в Якутию свою...

Я помню Вырицу —
Наш лагерь летний,
Стихи, и мандолину, и костер,
Поэтов небывалое соцветье —
От Ревды и до Сахалинских гор.
Той ночью белой
Озеро белело
От звездного сиянья, от цветов.
Мы улыбались жизни, песни пели,
Стихи читали только про любовь.
И Шульгина мы дружно привечали,
Когда, приехав поездом ночным,
Вручил нам альманах «Родные дали»,
Где он и я — под куполом лесным.

На лодках плыли мы озерной гладью,
Как будто бы присыпанной снежком.
И девушка, возлюбленная Надя,
Меня накрыла розовым платком.
И... вспыхнула заря вдали, прощая
Нам милые ошибки и грехи.
И путь открылся.
По нему шагаем,
Даря стране душевные стихи.

13 октября 2002 — 17 февраля 2003 г.

В Загорье

С небес сиянье голубое льется,
На родину Твардовского дивлюсь.
Он воду пил из древнего колодца,
Я от души святой воды напьюсь.
Вокруг березы водят хороводы,
И дом поэта Теркин бережет.
Сюда идут невидимые роты,
И каждый честь поэту отдает
За то, что он воспел солдат советских,
Собой Отчизну заслонивших здесь.
Стояли насмерть на виду Смоленска,
И красными слезами плакал лес...
Живи, Загорье, вечно и красиво! —
Твардовского цветастая земля.
И земляки уж тем одним счастливы,
Что в душах их
есть благодать твоя.

2003 г.

Полевая межа

*Полевая межа —
Это поля душа.*

Полевая межа, ты любима,
Ты сегодня в игольском цвету.
И тебя в этой синей долине
Я душе для покоя найду.

Я оставил все распри далеко,
Я забыл про людскую вражду.
Удивительно быть одиноким
В полевом незнакомом саду.

Будто брат к голове прислонился,
Наклонился ко мне зверобой.
И душистый вьюнок, словно птица,
Говорит о меже полевой.

Праздник жизни!
Он перед глазами —
В каждой травке, в цветке и в душе.
Шар земной обнимая руками,
Я лежу на цветущей меже.

1985 г.

В дороге

Поэту-другу Виктору Жорнику

Спасенье ищу в приключеньях,
Я к морю лечу и плыву.
И крикнул от радуги пенной:
Дружище, я снова живу!
Ты вскинул взволнованно руку:
«Таежному гостю поклон!
Азовское море, как друга,
Тебя забирает в полон.
Там волны сегодня покаты,
Красотки на берег пришли.
Увидим с тобой на закате
Наш парус мятежный вдали...»

Плывем по велению Бога,
Полна приключений дорога.

Мы терпим кораблекрушенья
И плачем порой от сомненья.

И все же нашли острова,
Где жители — только слова.

2003 г.

Прощай, сентябрь

Я прощаюсь с тобой, желтый месяц,
 На крутом берегу Иртыша.
 И молитвы поющего леса
 Принимает для жизни душа.

Отпускает лес алые стаи,
 Отпускает любимой слова.
 Тридцать дней от меня улетают —
 И седеет моя голова.

Интересно, — в каких это далях
 Дни мои обретают покой?
 Улететь бы туда от печали
 И сказать:
         я вернулся домой.

Бродят рядом усталые люди, —
 Вечный поиск —
         найти благодать.
 Но все дальше уходят от Сути —
 Улыбаться, любить и прощать.

Месяц мой улетел беспокойно,
 Даль от всполохов ярких свежа.
 И гляжу я вокруг просветленно:
 С небесами общалась душа.

2002 г.

* * *

*Дорогим землякам Филатовым
Петру Николаевичу и Лилии Матвеевне*

Лога дымятся,
Непогода.
Но, слава богу, малый вал.
Нас, рыбаков, сегодня — рота,
И каждый сердцем рыбу знал.

В стерлядке что-то есть от снега —
Всегда свежа, мила, нежна.
В ней глубины дремучей нега.
О Господи, до слез вкусна!

Свирепо рвется в воду щука.
Сто блюд таит в себе она.
Ей красоту дала излука,
Ей подарила гнев волна.

Карась-тихоня,
Много лени.
Он любит тину, ил и тени.

Судак,
Откуда ты явился?
Ужель в Азовском море жил?
Он плавниками заискрился,
Видать, под радугами плыл¹.

Серебряный и жирный язь
Ведет себя как важный князь.
Когда берешь его ты в руки,
Он не испытывает муки.

Сказал я осетру:
«Почтенный,
Прости, встревожили тебя.
Уж таково небес веленье —
Нам друг без друга
жить нельзя».

2002 г.

---

¹ Раньше в Иртыше судак не водился. Он появился примерно в 1993 году.

Березовские лиственницы

Обласканы инеем вьюги
И светом брусничной зари
Они, вековые подруги,
Сюда, как на праздник,
пришли.

У Сосьвы стоят величаво,
Распахнут для них горизонт.
Давно обрели свою славу,
К ним люди идут на поклон.
Их Меншиков гладил рукою,
И Ваули взглядом ласкал.
И эту вот листвень зимою
Однажды я сам обнимал.
Стоят, словно воины, дружно,
В них — стойкость таежных людей.
Порой для души очень нужно —
Касаться священных ветвей.

2003 г.

Маршал Жуков

Приснилась Божья Матерь на амвоне
 Ему в тот страшный сорок первый год.
 И диво —

чудотворная икона

Вокруг Москвы свершила свой полет.
 Жила страна в немыслимой тревоге
 От поля, от штыка и до пера.
 И маршал молвил на рассвете: «С Богом!
 В победную атаку нам пора».
 С парада — в бой.
 Шли в белых маскхалатах,
 Как ангелы, в одеждах белых шли.
 Российские бесстрашные солдаты
 В морозной и сияющей пыли.
 Москва за ними — в озаренье алом,
 Святой Георгий в небе на коне.
 И думал о войне товарищ Сталин.
 А маршал Жуков думал обо мне, —
 Чтоб мой отец живым в леса вернулся,
 Чтоб миллионов не было сирот,
 Чтоб враг металлом нашим захлебнулся.
 И... танки открывали наш поход.
 А впереди — руины Сталинграда.
 Орел и Минск, Варшава и Берлин...
 И в роли величайшего Солдата
 Он, Жуков, был воистину один.

2000 г.

Вечный бой

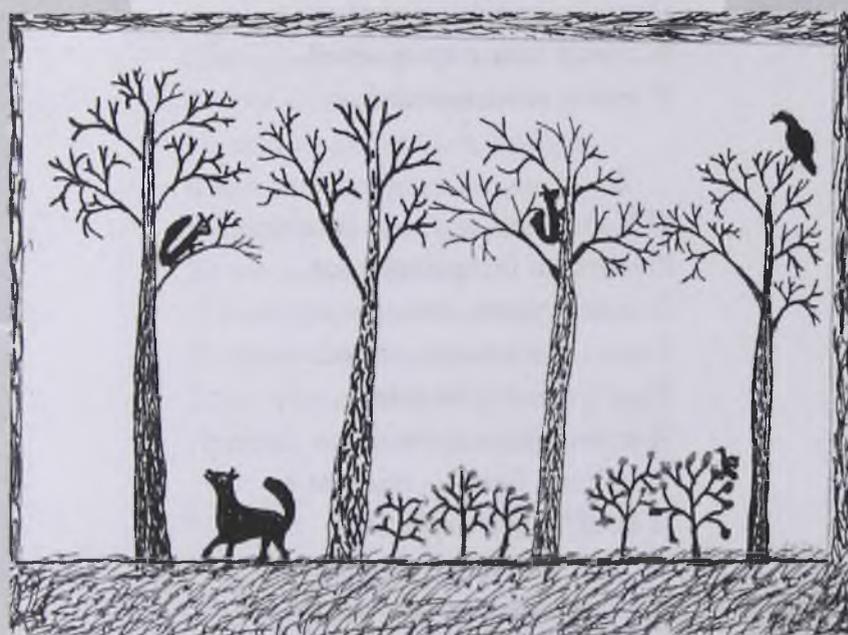
Отцу — Семену Прокопьевичу

Глаза земли задумчивы и кари,
А щеки в конопушках земляник.
Поляна детства мне раздумье дарит,
И к ней душою
я сейчас приник.

Там — голоса.
Я чую запах гари.
Гранаты рвутся,
Вечный бой идет.
В горячих бликах близкого пожара
Отец в атаку поднимает взвод.
Ты оглянись, отец,
и я запомню

Твои черты, ведь я не помню их.
Скажи о том солдатам запыленным,
Чтоб я запомнил и солдат твоих.
Но вы спешите,
Голоса стихают.
Я поднимаю голову —
Вокруг
Оранжевые бабочки летают,
Глухарь смешно оттачивает звук.
Мир на земле.
И нету выше блага,
Чем это —
Слышать небо и траву.
В стране жива навек отцов отвага —
И потому сегодня я живу.

ЗВЕЗДЫ

ЗОВУТ

Седой простор

Венгерскому другу Керести Ференцу

1

Случилось это утром рано.
Вдруг всадник выплыл из тумана
На мой искристый костерок
На перепутье двух дорог.
— Юнапат¹, — всадник произнес.
Пахнуло ветром дальних гроз.
Я слышу звон и гром мечей
И крики воинов-князей...

2

О Хортобадь! — седой простор,
Романтики бескрайний дол.
В седых кудрях, печально-строг,
Глядел мой всадник на восток.
Туда туман и тучи шли,
И взволновались две души.
Там Русь в беде, — подумал я,
И боль, и гнев в груди тая.
Мадьяр, как видно, ждал зарю,
Он чувствовал печаль мою.
Раздался в небе легкий гул,
И алый луч вдали блеснул.
— Будь счастлив, брат! — И всадник мой
Поднял коня, махнув рукой.

---

¹ Юнапат (венг.) — добрый день, здравствуй.

3

О Хортобадь! — седой простор,
 Романтики бескрайний дол.
 Желанный гость с реки Оби,
 Недолго буду я в степи.
 Мой всадник словно знак мне дал —
 На звон мечей он ускакал.

4

В той стороне, где дом родной,
 Шар поднимался огневой.
 А тучи — роковая связь —
 На солнце валом шли, клубясь.
 В них злые конники видны:
 Разъяты рты, глаза красны...
 Да это войско Сатаны!
 О Господи, скорей домой!
 В стране идет неравный бой.
 Тушу походный свой костер.
 Прощай, степной седой простор!

1991 г.

Отшельник

(из древнего)

Просились в небо сосны крутояра.
Внизу река — парное молоко.
Стоял отшельник пред закатом алым,
Закат на подвиг духа звал его.

Он приютился в сумрачной пещерке
И первую свечу в углу зажег.
И первый день его служенья вере
Отметил с радостью отцовской Бог.

Он молод. Он мечтатель, не похожий
На всех людей дремучей той поры.
Таскает трудно камни от подножья
Своей лесистой небольшой горы.

Он строит потаенную церковку, —
От неба зодчий, камнетес, поэт.
Дают ему терпенье и сноровку
Души огонь и божеский рассвет.

Он видел битвы конные в долине.
Под стрелы сосны ставили себя.
А он трудился на своей вершине,
Нескладный мир жалея и любя.

О нем уж знали жители округи
И помогали бережно ему.
И было небо животворным другом —
Дарило Бога лик лишь одному.

И день настал...
Живи, победа духа!
Церквушки звон возликовал окрест,
Коснулся каждого живого слуха,
И отозвался песней гулкий лес.

Он опустился, плача, на колени
И руки к небу трепетно простер.
Седой отшельник, он с горы моленной
Увидел в небе благодарный взор.

4–8 апреля 2003 г.

Орда

Сметает орда все живое,
Всё в прах на кровавом пути.
Ни вправо, ни влево, ни в небо
От этой орды не уйти.

Горят человеки и грады,
Озера и горы горят.
Бежит от погони Маруся
С ребенком,
и платье до пят.

И плачет:
«Спасите нас, люди!»
Но нет ни людей, ни мышей.
Церквушка вдали забелела,
И ноги помчались быстрей.

Ни писка, ни шороха в церкви.
Один седовласый монах,
Недвижимы тело и очи, —
В гранит превратившийся прах.

Маруся — стрелою из церкви.
У речки уселась на плот.
Ее понесло от пожаров,
От криков и плачей вперед.

С печалью о Грузии

Звучат Кварели, Марнеули,
Дманиси, Гори, Гурджани...
В тумане города, аулы,
Великие для сердца дни.

Согласья нету в стане сильных,
И мира нет среди вождей.
Глядят задумчиво грузины
На башни вечные царей.

Кругом сады, цветенье, горы,
И Божий храм, и свет его.
Но почему в народе горе?..
О ком ты плачешь, Сулико?..

18–19 декабря 2004 г.

* * *

Я вижу сосновое прясло
И в платье лиловом Тебя.
Ты в свете заката прекрасна,
Гляжу я, печально любя.
Уж год околдован Тобою,
Сияньем распахнутых глаз.
Но... что называла любовью,
Сегодня уже не для нас.
Засыпаны пеплом признанья,
Наивность и наши мечты.
Живешь ты другим ожиданьем,
Желаешь дворец и сады.
На деньги богатого джинна —
Они к нам из сказки пришли —
Ты шубу соболью купила,
И серьги твои хороши.
Но руки, сияя лучами,
Не вскинутся свято ко мне.
Живу я, как прежде, стихами,
Бываю на Веге во сне.
А все прошлогоднее лето
Кедровник пришлось сторожить...
Россия мечтами поэтов
Жила
и вовек будет жить.

16–21 ноября 2003 г.

* * *

Сквозь дождь пламенеют рябины,
Горит мой рябиновый край,
Справляя мои именины.
Тоске говорю я: прощай.

Дорога боренья в рябинах.
Пора мне долги возвращать.
Упал на колени повинно:
Умейте же, люди, прощать.

Развилки дорог — это муки.
Грозил разореньями вал.
Искал я надежного друга,
Всех краше
подругу искал.

И вот обессиленный, нищий
Вернулся к родным берегам.
Лишь маме я —
вечно не лишний,
Другим я обузою стал.

И я обратил свои взоры
На ту, что в разлуке ушла.
И мне показалось —
в просторах
По мне
ее плачет душа...

2004 г.

Звездный час

Памяти друга Игоря Липавца

Звездный час.
 Небесный мир распахнут.
 Он зовет меня к себе, зовет.
 И лучи черемухой пахнут,
 Значит, там черемуха цветет.

Улетаю от Земли угарной:
 Столько лжи, жестокости кругом!
 И на оклик станции радарной
 Не отвечу, не качну крылом.

Наша правда — горькая калина,
 Эта горечь —
     крик души живой.
 И гасить огонь в родных боринах¹
 Я с планеты прилечу другой.

1987 г.

¹Борина — небольшой ягельный бор.

Белые образы
(стихи, рожденные в грозу)

Белым туманом дымятся
Белые капли росы.
Белые молнии снятся
После июльской грозы.

Белая вспышка сольется
С капелькой крови в душе —
И навсегда остается,
Станет твоею уже.

В пору шального ненастья
Белый родился испуг.
Белые молнии снятся,
Белый вторгается звук.

1988 г.

Сосновая изба

Геологу Леониду Гуржию

Закаты лилово-багряны
В смолистом сосновом краю.
Они озаботили рано
Избу молодую мою.

Стояла она на распутьи,
Детей и любовь берегла.
Для родичей дальних по сути
Земным притяженьем была.

Хвоя и листва опадали —
Веселый и сказочный вид.
Семь игл сосновых венчали
Избы символический щит.

Но самое милое — дети,
Красуется ими жильё.
Избу обходили медведи,
Они почитали ее.

Глухарки садились на крышу,
И пели скворцы по весне.
Из этого дома я вышел
С любовью, доверьем к стране.

5–6 декабря 2003 г.

Воспоминание

*Памяти друга-поэта
Вадима Кузнецова*

Нас радует таежный палисад
Оранжевый
    от листьев голубики,
И бесшабашный желтый листопад,
И облаков сиреневые блики.

Мы в ожиданье —
    скоро вертолет.
Порой с улыбкой небо шлет угрозы.
Нас от дождя спасают три березы,
И... вертолет-комар уже поет.

В Березово — цветы и туюски
Душистых ягод,
    дарят их девчата —
Поэтов очарованных отрада.
Девчата диковаты и баски.

Я помню переполненные залы.
Вадим, тебя с восторгом привечали,
Молили духов, чтоб оберегали...

Пикник прощальный на ливне, траве,
И девушек смеющихся круженье...
А вечером ты вспомнил о Москве,
О доме: там мое спасенье.

Березово сияло от огня
Листвы,
    творящей дивное паренье.
И ты сказал: «Мой друг, согласен я, —
Любовь к природе —
наше вознесенье».

10–11 декабря 2004 г.

Столпник¹

Он старец с белой бородой,
Но вдохновенный, как ребенок.
И снова в дымке зоревой
Шлет в небо истово поклоны.

В молитвах истых день прошел.
Уже закат последний пламень
Шлет в умиротворенный дол
И на моленный алый камень.

Стоит на камне столпник бос,
Не чувствует в молитвах тела.
Он словно повелитель рос,
И улыбающихся рос,
И этой ночи снежно-белой.

Он руки к небесам простер.
Он — всей душой в своих молитвах.
Он выше удивленных гор,
И жизни таинства открыты.

И внял его молитвам Бог —
Явил свой лик, черты живые.
И Столпник
   слез сдержать не мог, —
Он с Богом говорил впервые...

11–12 июля 2005 г.

---

¹Столпник — отшельник, посвятивший себя Богу.

Костер

Костер у моря — это жизни чудо,
 Он знак соединенья трех дорог.
 Волна притихла, видно, от уюта,
 Который нам в ночи несет дымок.

Стихия вод свой путь для всех открыла.
 Дороге поля — с морем говорить.
 Луна свою дорожку серебрила, —
 Мол, без нее на свете не прожить.

Вздыхает море, сладко засыпая,
 Сердца волнует аромат глубин.
 Последний штрих распахнутого рая —
 Небесный свет сияющих вершин.

И вдруг вдали взыграли неба струи, —
 Родился белый парус, как восторг.
 Все поняли —
     он снова просит бури,
 Он без нее на свете одинок.

18–29 сентября 2004 г.

* * *

*Я восходил на все вершины,
Смотрел в тьме небеса.*

Л. Блок

Стоял у страшной бездны я,
К себе укор и боль тая.
Стоял бесстрашно на краю,
Хотел ей бросить жизнь свою.
И вдруг я каперс¹ увидал,
Он под камнями стонал.
Он помощи, как видно, ждал,
И я камня раскидал.
Спасенный каперс мне кивнул,
И я услышал странный гул.
Разверзлась неба синева,
Ко мне обращены слова
С вершин, сияющих в снегах,
Таящих молнии в лучах:
— Постой подольше на краю —
И станешь жизнь ценить свою.

2001 г.

---

¹Каперс — южное, стелющееся по земле растение.

Письмо Федору Ивановичу

*Клиндуховым Федору Ивановичу и Татьяне
Дмитриевне — с любовью*

Покидаем дома и родные поляны
И уходим с надеждой в чужие края.
Но счастливыми там мы, конечно, не станем.
И сидим на завалинках, думу тая...

Ты покинул Ачимово, Федор Иванович,
По судьбе,
нет вины у тебя пред собой.
Нынче был на лугу ты задумчивым рано,
Вспоминая минувший свой мир непростой.

Ты на озеро долго глядел у дороги,
В палисаде к сосенке прижался щекой.
Был я рядом с тобою по таинству Бога,
Я ведь тоже прощался с деревней, с тобой.

В этом доме твоём дни любви и восторга
С голосами детей отзвенели, прошли.
И прощаться нам, Федор Иванович, горько, —
Нет радости больше в запасе души.

Вижу — дочь твоя Тоня бокал поднимает:
— Папа, мама, вас помним и любим всегда.
И, как мужа, меня за столом обнимает.
А за окнами в небе сгорела звезда...

Над Ачимово дождик осенний гуляет.
Нет прохожих.

Печалится окнами дом.

Даже ночью душа этот дом вспоминает,
Мнится — машет и машет он синим платком.

18–19 октября 2004 г.

Взаимосвязь

Наташе Лукиной — сердечно

Все звуки мира тянутся ко мне.
 Я слышу — треснул камень на Луне.
 На Марсе,
         где когда-то жизнь цвела,
 Сегодня буря рыжая прошла.
 И стало душно сердцу —
         и во сне
 Увидел крокодила на сосне.
 Однажды ночью гром меня позвал,
 По озеру ходил сердитый вал.
 И молнии кричали на меня,
 Сгорел амбар шайтанский — понял я.
 Назавтра дом отцовский запылал,
 На пепелище молча я стоял.
 Не уберег амбар —
         пришла беда.
 Да будет новая в миру изба!
 Теперь читаю свято молний вязь.
 Как велика, тонка взаимосвязь
 Деревьев, звезд, священного жилья!
 Она и есть основа бытия.

2001 г.

По велению кедрача

Поэту-другу Николаю Вторушину

Ручьи бегут из кедрача
 В лога,
     то плача, то крича.
 Они шумят, они звенят,
 Как сто детдомовских ребят.
 Из-под оттаявших корней,
 Смотрите,
     прыгнул в лог ручей.
 Смеется он, свободе рад,
 Гремит, как горный водопад.
 В Ханты-Мансийск бежит ручей,
 Пугая воробьев, грачей.
 В Большом логу ему простор,
 Здесь у него такой напор,
 Что валится иной забор.
 Он пашню превращает в ил,
 Однажды дом он затопил.
 Но... в мае гаснет пыл ручьев.
 В Большом логу полно цветов.
 По склонам избы в бузине,
 Лог —
     это сказ о старине.
 И в честь него по праву здесь
 Две улицы смешные есть:
 Малая логовая,
 Большая логовая.
 Как не смеяться, коль ручей —
 Проспект для тутошних людей!
 Живут по склонам, как стрижи,
 Но помня: сам судьбу верши.
 На Малой логовой народ

Таежным промыслом живет
И песен ночью не поет,
Он вечно с неба чуда ждет.
Зато соседи на Большой —
Озорники, народ лихой.
Качели в Пасху — над ручьем,
Богат застольем каждый дом.
Дал урожай на август Бог —
Дня три гуляет с песней Лог.
И прорубь любят в Рождество.
Грешат отчаянно, легко.
В потемках летней бузины
Девчата озорства полны, —
И смех, и стоны их слышны.
Немало там ядреных вдов,
Для гостя стол всегда готов.
Но если ты душою слаб —
От страсти сгинешь вольных баб...
Сейчас в логу гремит ручей,
Он глушит голоса людей:
Их ругань, смех, слова любви...
Из кедрача бегут ручьи.

22–27 апреля 2005 г.

Лазоревая суббота¹

Цветут снега лазорево,
 Апрельские снега.
 От свежести предутренней
 Лазурны облака.

Все Господом размерено
 В согласии с душой,
 С Лазоревой субботы
 До Пасхи, до святой.

Костры как омовение, —
 Пылает можжевел.
 И над огнем проносятся
 Кто грешен
                   и кто смел.

Явиться гордым хочется
 Всем
       у Пасхальных врат.
 Надеждой на прощение
 Живет и стар, и млад.

В Лазоревую ноченьку
 Вошел в мой трудный сон,
 Вошел, как благодать Господа,
 Живой Пасхальный звон.

5–7 мая 2003 г.

¹Лазоревая суббота – так величали в наших деревнях субботу в канун Вербного воскресенья.

Воспоминанье в Пасхальную ночь

Поэты не рождаются случайно.

Они летят с небесной высоты...

Игорь Тальков

Мы, посланники Бога на свете,
Безымянные ищем пути.
Потому и счастливым поэта
Никогда на Земле не найти.

Вот бреду я в тумане метельном
К очагу,
где мой дом-огонек.

Ни души.
Только вздохи Вселенной.
Только звезды.

И я — малышок.

Я иду, пятиклассник, шажками,
Воля Божья ведет и ведет.
Почему я один?

Нету мамы.

Старший брат гулеванит и пьет.

И пришел я, озябший, к порогу,
И упал,
от бессилья дрожа.

Но уже по велению Бога
Оклемалась, воспряла душа.

Много раз и страдая, и маясь,
Шел я в жизни на свой огонек.
И уже умирал, задыхаясь,
Но... всегда выручал меня Бог.

2002 г.

К чернике

Почему ты прячешься в тени
И глядишь украдкой оттуда?
Ты открыто на меня взгляни,
И об этом пусть узнают люди.

Видишь — боль стоит в моих глазах?
Это боль души,
она — вещунья.
«Только Божья вылечит роса
Боль твою», —
мне говорят колдуньи.

Ты росой небесной вспоена,
Скромная и тихая черника.
Только ты таинственно одна
Можешь излечить меня, черника.

Я иду к тебе тропой глухой,
Расступаются седые ели.
Я увидел взгляд твой голубой,
Светится он Божьей добротой, —
Ягоды лечебные поспели.

13–15 августа 2004 г.

Речка и я

Дом отцовский у речки морошковой.
Эта речка из дальних болот
На просторы Тумана течет.

Я пришел в этот мир опечаленный
По велению горных высот,
И в душе моей свет их живет.

Породнил этот свет речку Аманью¹
С миром звезд, с благодатным дождем
И с летящим ко мне глухарем.

Стала речка для мира священной —
Для моих земляков, для стихов
И плывущих над ней облаков.

И поныне жива речка Аманья,
Не забывая небом и мной,
И на плесе — столетней сосной.

27–28 сентября 2004 года

---

¹ Аманья (манс.) – маленькая речка.

* * *

Выручай, выручай, темнота,
 Мне годков привалило-то, боже...
 Ну, а ты молода, молода
 И уж больно бесстыдно-пригожа.

Темнота, мне седины закрась,
 У тебя черной краски навалом.
 Я хочу молодуху украсть
 И душою, и телом усталым.

Видно, бес мне ударил в ребро:
 Загулял я отчаянно-пылко.
 Молодуха лежит тяжело,
 И раскинуты ноги-развилки.

Нас с тобой, молодуха моя,
 Ночь во всем —

до слезы —

уравнила.

Нам обоим по двадцать,
 тебя

Мне давно на груди не хватало...

Удивительны взгляды твои,
 И слова твои непостижимы:
 «Утром птицы поют о любви...
 Мы расстанемся молча, любимый».

22–23 июня 2005 г.

* * *

*«Ты читаешь оком...» — слова композитора
М. Довганича, обращенные ко мне.
Ему и посвящаю это стихотворение*

Ты читаешь оком,
Ты вступил в предел Вселенной.
Но страдаешь о родном —
О деревне разоренной.
От сторонки луговой
Ты идешь, Судьбой хранимый.
И — как в сказке — за тобой
Мячик катится любимый.

4–5 декабря 2004 г.

* * *

Желанный праздник миновал в разлуке,
 На взгорке,
     что улыбчив по весне,
 Подснежник родился по зову муки
 И руки протянул навстречу мне.

Ты в этот час была в чужом застолье,
 Не ведая суровых глаз Судьбы,
 Которые с твоих родных раздолий
 Смотрели на тебя из темноты.

Измену не простят тебе ни боги,
 Ни мать, идя в раздумье по росе.
 И что за люди на твоей дороге —
 С коварною ухмылкой на лице?!

Ты с ними заодно.

    Ты их партнерша,
 Ты вольною пред ними назвалась.
 И у тебя —
     от пониманья горько! —
 С подснежником, родившимся на взгорке,
 Оборвалась спасительная связь.

1998 г.

Священные амбары

*Вечной памяти бабушки —
Тархановой Матрены Александровны*

Я боялся языческих вешек
И амбаров, идущих в тайгу...
Для тропинки оранжевой пешей
Я родился на том берегу.

Шли амбары в кедровник устало,
В зыбком мороке бабушка шла.
Но о их возвращенье не знала
Ни одна в деревеньке душа.

Глянешь утром —
                                амбары на месте,
И у всех по четыре ноги.
Обступают их листвени тесно.
Но... у страха глаза велики.

Все мне кажется —
                                дверь распахнется
И появится страшный медведь.
Слышу — бабушка тихо смеется,
Может день на святыхни смотреть.

Но о тайне амбаров молчала,
Видно, душу мою берегла,
Чтоб она по себе расцветала,
Не касалась до времени зла.

И все реже к амбарам водила,
И мою показала звезду...
Для тропинки оранжевой пешей
Я родился на том берегу.

4–5 декабря 2003 г.

В стране озер

Однажды по воле счастливого случая я увидел с вертолета загадочную страну озер. Я был очарован. И вскоре попал в объятия этой волшебной и реальной страны.

Автор

1

Озера, озера, озера
В объятиях черных протоков.
Уходят из этих просторов
Оленьи следы на восток.
За ними медведь поволокся,
И, крадучись, волки пошли.
Но филин от злости отрекся,
Сказал: «Свое стадо держи...»
Я слуг на веку не имею,
Обычай леса крепки.
Я взял деревенскую Фею,
Взял лайку себе в пастухи.

2

Лазоревым, желтым и черным
Озера горят на заре.
Нам Фея сварила проворно
Стерляжью уху на костре.
Пасутся на склоне олени,

И ягель для них, и ручей.
 Собака не ведаёт лени,
 И Феи не надо резвей.
 То важенку так заарканил —
 Любуйся и нежно хвали,
 То ягоды спелой достанет
 И волка заметит вдали.
 Мне надо озера разведать,
 Которые здесь, на виду.
 Пожалуй, сегодня к обеду
 Я чаши озер обойду.

3

Озера, озера, озера,
 За ними Уральские горы.
 В цветочном цветет ожерелье
 Лиловая чаша одна.
 У ней поясок желто-белый,
 А пряжкой служит сосна.
 Как будто дельфины, взлетают
 Из чаши на воздух язи.
 Пугаются их караси,
 И чаек проносятся стаи.
 Есть озеро возле протоки,
 Где часто ондатра кричит,
 В нем щуки страшней осьминога —
 Как темные бревна в ночи.

Увидел я желтое море —
Ромашковую
    благодать.

Загадка — такие озера.
Ученым о них размышлять.

Порою пески белоснежны.

Но рядом пугающа тишь.

Враждебно настроен камыш.

Вода, почему ты молчишь?

Я в воду гляжу —
    нет ни рыбки,

Ни даже жучка-плавунца.

В глазах от усталости зыбко,

У озера нету лица.

Я понял — сюда не садится

На отдых пролетная птица.

А глянешь вокруг — красота.

Но с озером — явно беда.

Я двинулся к северу, выше.

На красное озеро вышел.

Конечно, видна и причина

Расцветки —

    багряная глина.

Здесь нету оленного стана.

И фыркают лоси, отпрянув.

Я ключ от загадки достану.

Уж клонится солнце на запад.

Пора мне в оленное стадо.

4

Глаза влажны у Феи милой.
Она в тревоге: уж темно,
Озер таинственных полно.
У дальней речки волки выли.
Костер горел. Плясали тени.
Рычала лайка в темноту.
Лежали тихие олени.
Я вычислял свою звезду.
Сейчас был центром
  всей Вселенной
Наш чум вблизи Уральских гор.
Я к Фее преклонил колени.
Нас сторожил всю ночь костер.

18–19 декабря 2003 г.

* * *

Я грусть несу, как яблоко раздора
В веселую компанию твою.
Я не вступаю первым в разговоры,
Но «Бригантину» первым я пою.

1985 г.

* * *

Снегири поют —
                                как плачут,
Освящая отчий дом.
Певчий звук —
                                как ласка брата
Для меня печальным днем.
Словно чувствуют, что горе, —
И летят к душе моей.
И поют и плачут.
                                Боже,
Так бывает у людей.
Помню — братик мой родился,
В доме радость, слезы, смех.
И снегирь сел на березу
Под окном,
                                запел для всех.

21–24 мая 2005 г.

Волшебный свет колыбельной

*Колыбельные — самые гениальные
произведения на свете*

Забывая колыбельные,
Забываем детство мы —
Луг ночной, костер, священные
Амбарушки у сосны.
Позабыли балалайку —
Три плакучие струны —
И мечты на летней стайке¹
В бликах звездной вышины...

Я у мамы на коленях,
Огражден пока от бед,
Потому что во Вселенной
Колыбельной льется свет.

---

¹Стайка (мест. наречие) – сарай.

А в Москве скрипучи бесы —
Как в болоте сухостой:
«Не нужны нам сказки-песни,
Дайте шоу с наготой!
Колыбельные бы надо
Позабыть давным-давно.
Пусть гремит в ночах эстрада!
Пусть хохочет казино!»
Говорю бесовской силе:
«Усмирите вашу прыть.
С колыбельными Россия
Будет вечно в мире жить!»

4–7 января 2005 г.

* * *

*В старину у манси бытовал обычай показывать
невесту медведю. От поведения священного зверя
зависело: быть ей замужем или нет*

Нет шумней в селеньях вести,
Чем вот эта — страх сказать:
Поведут в тайгу невесту,
Чтоб медведю показать.
Споров всех судья старинный —
Знает много, не съюлишь.
Или ты живешь невинной,
Или... грех не утаишь.
По тропе идет невеста,
Что бояться? — не одна.
Есть в тайге такое место,
Где коварна тишина.
А жених идет с надеждой,
И седой отец идет.
От орнаментов одежда
Будто радуга цветет.
Первой вскрикнула невеста:

На тропе судья-медведь
На дыбах стоит, ни с места.
Успевай, жених, смотреть.
Как брусника, покраснела
Кареглазая Таись.
Покраснела, побледнела.
Вот попробуй разберись:
Иль в грехе своем призналась —
Ни жива и ни мертва?
Или вправду испугалась —
Дышит, бедная, едва?
А медведь ревет и скалит
Зубы желтые свои.
И свидетели сказали:
«Речи поняли твои.
Помасипа, помасипа! —
Ой, спасибо! Ой, спасибо!
Наши клятвы позабыты,
Для Таись — мы не семья». —
У невесты от обиды
Слезы льются в три ручья.
Ты не плачь, не плачь, Таись,
Вновь медведю покажись.

1981 г.

Священная сосна

Я узнал тебя, моя сосна.
Господи, но как ты постарела!
Без вершины, бедная, одна,
И кора как будто побелела.
Помнишь, вечер?
Голубой туман
Обнимал таежную дорогу.
И Венера улыбалась нам.
Я стоял под кроной одиноко.
Кто лишил меня сегодня сна,
В небеса зовет неутомимо?
Мне открылась звездная страна,
Все вокруг сияньем озарило.
Странно, что я словно не земной,
Словно нет ни мамы, ни деревни.
Ты, сосна, слита сейчас со мной,
Вместе мы принадлежим Вселенной...

Я уехал.
Грозовая мгла
В тот же день заволокла долину.
Словно виноватой ты была —
Молния сожгла твою вершину.
Ты священной стала поутру.
Земляки тебя боготворили,
Стала ты как память на миру,
Вместе нас сородичи любили.

*16–30 июля 2004 г.,
Карагаево — Ханты-Мансийск*

Птичьи сны

Ветки пахучие, пташек укройте.
Не уходи, тишина.
Снятся листы подорожника сойке,
Иволге снится сосна.

Песни свои вспоминает синица
И, засыпая, поет.
Видит зорянка, как небо искрится,
Музыка в небо зовет.

Каждому сердцу небес не хватает —
Этой ночной вышины.
Музыка всюду летает, летает,
С нею рождаются сны.

1987 г.

* * *

Мучительно трудно стихи
 Рождаются в сумерках прозы.
 Стучатся чужие грехи,
 Чужие обиды и слезы...
 Зовущий пронзительный крик,
 Злорадство, проклятия —

это

Страны исстрадавшийся лик,
 Ее горемычная мета.
 И пахарь уже изнемог,
 И хлеб на корню умирает,
 И кажется мне василек
 Последнею восточкой рая.
 Священный прощается бор
 С оранжевым облаком Бога.
 За этот вселенский разор
 Виновные снова далеко.
 Я чувствую козни врагов,
 Я вижу измены, интриги.
 Спешите, стихи!
 Я готов
 Нести искупленья вериги.

1988 г.

Звезды зовут

В небесах серебристые капли —

Бесконечные россыпи звезд.

Иероглифы их

мы познаем ли?

Их мерцанье — загадочный код.

Шлют призывы они постоянно

Человеку —

спасенье ищи

Для надежды, сегодня опальной,

Для своей утомленной души.

Посмотри, человек, в поле Марса

Красный пепел повсюду остался

Не от атомной ли беды?

Человек, для веков постарайся —

Древо жизни на Марсе взрасти.

Обручальные кольца Сатурна

И Венеры лучи нас зовут.

А Земля в потрясениях бурных —

Начинается Божеский суд.

2002 г.

Земляничная поляна

Парны июльские дожди,
И в каждой капле — семицветье.
Моя родная, приходи
К поляне земляничной лета.
Здесь у поляны есть ручей,
Звенит водой зеленоватой.
Пьет воду в сумраке ветвей
Барсук пугливый седоватый.
Порою радуга-дуга
Тут жажду страстно утоляет.
И загорается вода,
Как будто луговина в мае,
Когда весенний пал летит
В горячем розовом тумане...
Оранжевый дымок парит
Над земляничною поляной.
В твоих глазах смешной испуг —
Случайно лес не загорится?
В мгновенья эти, милый друг,
Лес, как ребенок, веселится.

1988 г.

* * *

Не спешите, друзья, расставаться.
Только скажешь — прощай, —
И закат
Повелит на разлуку обняться,
Вы уже не вернетесь назад.
Но ушла ты в простор торопливо,
К шалой воле, к разгульным страстям.
Стало радуге чуткой тоскливо,
Знак к отлету дала лебедям.
Я узнал —
Ты угасла внезапно.
Но услышало небо: прости...
Мне теперь остается обратно
В край прощальный на муки уйти.
Не спешите, друзья, расставаться,
Рвать незримую нитку сердец...
Если б снова могли повстречаться,
То, седые, пошли под венец.

2002 г.

Впервые

Я впервые сижу в ресторане.
Воздух душный от злых папирос.
Я студент.
    Удивленно и пьяно
В правду жизни вернулся из грез.

Обнаженные плечи волнуют.
Дамы, видно, спустились
    с небес...

Почему их прелюдно целуют
Эти наглые губы повес?

Мне обидно.
    За что? — непонятно
Воспылавшей душе молодой.
Этот зал поразили внезапно
Звуки скрипки красивой тоской.

Оглянулся — увидел скрипачку
С марсианскою шапкой волос,
Голубую по глазу повязку,
Брови черные, греческий нос.

Не цыганка и не россиянка, —
Я почувствовал это душой.
Видно, в детстве была полонянкой,
Потому и владеет тоской.

Сам не ведал,
                  как слезы катились.
И хотелось мне встать и запеть,
Чтобы губы ее улыбнулись,
Чтоб в объятьях ее замереть.

4 февраля 2005 г.

* * *

Самый лучший день — сегодняшний.

Народное

Вселенная ликует.

Даже

Цветы цветут из древних стен.

Что может быть на свете краше,

Чем этот самый лучший день?!

Ты рвешься в небо к белой стае.

Ты — лебедь.

Ты — небесный плен.

Любая ветка нынче знает —

Ты освятила лучший день.

Я словно заново родился,

Поняв, что лучший день явился.

Дивлюсь кедровке, муравью,

Признался миру я — люблю!

23–24 ноября 2004 г.

* * *

Деревья зовут меня властно.
Но чем же обязан я им?!
Какие волнения и страсти
Познаю у них, нелюдим?

Но разумом, ставшим печальным
Под этим багряным дождем,
Я вдруг ощутил себя равным
С хвоинкой, с листом, с журавлем.

И кружится вместе с листьями
Язычника детский вопрос:
Во-он тучи сшибаются лбами —
Но нету ни молний, ни гроз?

Какие же силы Вселенной
Куда-то мой гром увели,
Скажи мне, осинник осенний,
Скажите вы мне, журавли?..

1986 г.

* * *

*Я однажды проснулся ночью с протянутыми к
небу руками.*

Доверчиво шлет импульсы свои
Мой брат с неведомой планеты.
И руки, руки тянутся мои
К нему во сне,
                    в его рассветы.
И — утро.
Мой кедровник за окном.
В нем — тайна новая, я чую.
И взгляд, и зов мой в небо обращен,
Я по тебе, мой брат, тоскую.
И я твой оклик чувствую порой,
И потому душе тревожно.
Нам очень нужно встретиться с тобой.
Спеши, мой брат,
                    пока не поздно.

1987 г.

Ожидание

На поезд жизни снова опоздал.
 Издалека услышал звук прощальный.
 Вошел я в переполненный вокзал,
 Где яркая табличка — Ожиданье.
 Как много опоздавших, боже мой,
 Живущих ныне собственной виной!
 Рождает ожидание тоску,
 Не каждому дано ее осилить.
 И кто-то пьет,
 И кто-то шлет мольбу:
 «О Боже, дай в час испытанья силы!»
 Но почему забыли о душе,
 Она на грани гибели уже.
 Я тоже миг отчаянья познал,
 Оставшись одиноким и бездомным,
 Когда на поезд жизни опоздал,
 Когда рыдал вослед своим вагонам.
 И вдруг я вспомнил о душе своей,
 Я на коленях обратился к ней:
 «О, Бог души моей, ужель ты спишь?
 Я погибаю. Ты проснись скорее,
 И если ты надеждой осенишь,
 Взгляну на все я трезво и мудрее».
 И я услышал:
 «Новый поезд жди.
 Блаженны муки.
 Он уже в пути».

2002 г.

* * *

Я потерял поэта-друга,
Он не щадил ни в чем себя.
Душой трудиться —
  это мука, —
Я согласился с ним, скорбя.

В жестоком мире трудно сказке
О доброте,
  но я пою.
Трудиться вечно —
  наше счастье, —
Душе я тихо говорю.

4–5 декабря 2004 г.

* * *

Мне там, на развилке путей,
 Начертано было на камне:
 Налево —
     уйдешь от людей
 И станешь отшельником странным.

Направо —
     пленит тебя храм
 Любовных утех и забвенья.
 Не станешь ты верить слезам,
 Махнешь на чужие страданья.

А прямо — дорогой глухой
 Ты выйдешь на бранное поле.
 И надобны мужество, воля,
 Чтоб выдержать яростный бой
 С разбойной и алчной толпой.

От раны смертельной, сквозной
 На поле лежу неподвижно.
 И слышу воскресшей душой —
 Зовет меня в небо Всевышний.

18 августа 2002 г.

* * *

К нам из Америки летел торнадо.
Не одолев Урал,
        он сразу сник.
Шальные тучи,
        как бизонов стадо,
В себе таили первобытный крик.

Проснувшись от загадочной тревоги,
Увидел в небе я свою звезду.
Она смотрела жалостно и строго,
Едва успев остановить беду.

Я знаю, что придет ко мне расплата
За смелые деяния стихов —
И силы зла опять пошлют торнадо.
Но к этой встрече я уже готов.

В Нягани

*Работникам Няганского музейно-культурного
Центра*

За «Кедром», за гостиницей, в леске
Живет желна, нарядна и криклива.
Я слышу зов.

Спускаюсь торопливо,
Чтоб с ней поговорить накоротке.

Зачем зовет? Наверно, тайна есть.
У ней тревожный и призывный голос.
И вспомнилась мне раковины полость,
Которую нашли недавно здесь.

И вспомнились мне мамонта клыки
И боевые кодские дружины,
В урманах, в городках обской равнины,
Костры шаманов у святой реки...

Как сказка, те минувшие века.
Мы — продолжатели тех дней суровых,
И строим мы для поколений новых
Музеи, Храмы, зданья «ТНК»...

Ой, много еще надо возвести!
И почему тогда назло природе
И, сердцем неосознанной свободе,
Идем порой на ложные пути?..

Я понял птицу, и она — меня.
У птицы — удивительное свойство, —
За нас, людей, живет в ней беспокойство:
Мы красоту теряем бытия,
Доверясь прихотям обманным дня.

*24–28 апреля 2003 г.,
Нягань — Ханты-Мансийск*

* * *

Тоне — на память о Коктебеле

Утро бойкое, словно отвага,
 И, познавший в миру красоту, —
 Камень с кручи святой Кара-Дага
 Я несу на руках ко Христу.

Осыпаются кручи, как траверс¹,
 Понимая, что это — во сне.
 Ну, а с камня задумчивый каперс
 Простирает ручонку ко мне.

7 января 2005 г.

¹Траверс – насыпь на окопе для защиты от флангового огня.

Дружеское послание

Другу-поэту Виктору Жорнику

Себя тревогою не мучай, —
Удача верная близка.
У маяка в Анапе круча,
Как девка рыжая, баска.

Как в чудо моря не поверить:
Сияние его звезды
Распахивает в Храмы двери
И строит лунные мосты?..

У моря верится в удачу
И рыбака, и моряка.
Здесь от любви, бывает, плачут,
Когда разлука — навека.

Спешит к тебе волна ночная,
Она душиста и свежа.
Нет у небес и моря края,
И будет петь твоя душа.

27 сентября 2003 г.

* * *

На Пасху все явленьем жили, —
Монах с горы Христа узрел.
Колокола везде звонили,
И Храм Спасителя гремел.

3 октября 2003 г.

Христос в пустыне

Стихотворение родилось под впечатлением картины И.Н. Крамского

О людях думает он страстно —
Один в пустыне роковой.
Для козней Зла — Пророк опасный,
Для Доброты — костер живой.

В пустыне дикой и горячей
Ступни босые жжет песок.
О людях он порою плачет —
И всходит от слезы росток.

Идет.
За ним цветет оазис,
Один, второй... И вновь — привал...
Но почему же зреет зависть
И злоба тех, о ком страдал?!

Кажись, скорбит сама пустыня:
Ой, человек для жизни слаб!
С годов начальных и поныне
Живет в нем жалкий, подлый раб...

Виденья шлет Христу дорога:
Иуда. Люд. Зубов оскал.
И на кресте в лучах восхода
Себя распятым он узнал.

20 марта — 28 ноября 2003 г.

Озеро Прощанье

На взгорке хутор дедушки Ефрема.

Еще колхозов нет,

но воля есть.

Жить для себя, для родичей — не бремя,

Да и подмога — озеро и лес.

В лесу все есть —

чего душе угодно:

Орехи, ягоды и глухари.

На озере прощальный пир сегодня,

Любая утка на виду,

смотри.

Ефрем дал имя озеру — Прощанье,

В нем — грусть души и стон отлетных стай.

У птиц сейчас вселенское свиданье,

Наговорятся, вскинутся — прощай!

Вокруг огни осин,

они, как свечи

Гигантские,
горят до облаков.
Ефрем себя пожаром этим лечит
И звуками крылатых вожаков.
Ефрем давно в бессмертие поверил
Своей души, открытой для небес.
Пришел он стаи провожать на берег
И видит —
поклонился ему лес.

2004 г.

**Исповедь человека,
лишенного детства**

Я раньше почти не смеялся,
Я мачехи пьяной боялся.
Пошто она смех не любила?
Пошто за улыбку лупила?
Люди, вы прекрасны, когда смеетесь.

Я раньше почти не купался,
Я в поле с утра надрывался.
Полос сорняки я, стеная,
Я место готовил для рая.
Ой, как мне теперь хочется купаться!

Сейчас постоянно купаюсь,
Сельчанам своим улыбаюсь.
За это порой оскорбляют,
Меня чудачком называют.
Может, я и вправду чудак? Скажи, поэт?

Скажу я словами пророка:
Чудак — это истина Бога.
Уйдя от людской укоризны,
Живи, брат, по-своему в жизни.
Детство все-таки нашло тебя. Обними его.

1987 г.

Шутки Беса

Что ищу в логу ночном?
Беса с ликом мухомора.
Я скажу ему о том,
Что он сеет всюду ссоры.
Захохочет Бес и враз
Станет девушкой пригожей.
И от черных жутких глаз
Холодок пройдет по коже.
Хоть стройна ты и бела,
Но таишь коварство, дева.
Чур меня! Куда ушла?
Я держу в объятьях древо.
Улыбается луна,
Видно, знает шутки Беса.
Знает и о том она,
Что я друг надежный леса.
И бояться темных сил
В доме друга,
        право, стыдно.
Долго нынче я бродил,
Долго Бес меня водил —
Вот за что душе обидно.

2–3 декабря 2003 г.

В языческом кедровнике

Памяти младенца-брата Вани

За шишками в Аманью¹ три пацана —
Пльвем мы в осиновке хилой.
Своя здесь у духов таежных страна,
Своиobeliski, могилы.

Мой младший братишка покоится здесь,
В кедровнике грозном, священном.
Деревья как память хранят эту весть,
Хранят ее самозабвенно.

Пльвем.
А за нами бушует Туман.
Мы вовремя скрыться сумели
По речке под кроны деревьев,
и нам
С них сойки и иволги пели.

По хвое идем.
Дал наитие Бог:
Находим мы стрелы Алима².
Взяв череп зеленый, сказал мне дружок:
«Татары шли к нам из Пельыма».

¹ Аманья — мансийская деревня, родина автора.

² Алим — предводитель нападавших.

* * *

Я тебя не забыл, Олеся.
За тобою всюду горят
Три рябины,
Рубины свесив,
Даришь им ты горячий взгляд.

День капризный.
И козни, и ветер —
Все смешалось дороге назло.
Трудно быть сегодня поэтом.
А когда ему было легко?

Нынче время жестокой облавы
На невинные души людей.
Мы об этом с тобою — по праву —
Потолкуем в каморке моей.

Я желаю тебе беззаботно
Жить, меня отдаленно любя...
Грянул снег.
Занавешены своды.
И не видно, Олеся, тебя.

28–29 октября 2003 г.

Нездешний корабль

Сыну Илье в честь его 30-летия

Пришел он, отринув грозы,
Красивый,

как ананас.

Глядели с палуб матросы,
Не признавая нас.

Им виделись вновь мулатки
И шелковый океан.
Явились они из сказки,
Еще недоступной нам.

Забыты оркестра трубы,
Восторженный длится сон —
Пурпурные пальмы Кубы,
В лимонных цветах Цейлон.

Но вздрогнут сердца матросов,
Увидя отчий порог,
Услыша в рыданиях голос:
— Вернулся! Илья! Сынок!..

2004 г.

Чувство родины

Будь я в Венгрии или в Канаде,
Ветры родины сына найдут.
И скажу землякам я: ребята,
В Карагаево¹ кедры цветут.

Чувство родины необъяснимо.
Без него человек словно дым.
И душа потому и ранима,
Небесами, поверьте, хранима,
Что я родиной тоже любим.

5 декабря 2003 г.

---

¹Карагаево – деревня, где прошло детство автора.

В желтые ночи

Черные ночи
Были
Да сплыли.

Зарева хочет
Лунного филин.

Филя в печали,
Жутко хохочет.
Вот и настали
Желтые ночи.

Желтые кросна¹
Небо имеет.
Желтые сосны
Сказочной Феи.

Лунное диво
Стелет поземка.
Филин игриво
Ухает громко.

---

¹Кросна – готовый холст, полотно.

Каждому звуку
Небо внимает.
Филин подругу
В дом приглашает.

Филин наряжен
В лунном сиянье
И очень важен
В желтом кафтане.

Филя в страданье:
Где же подруга?
На ожиданье
Грянула вьюга.

В чащу увала
Он исчезает
И от печали
Очи смыкает.

Март 2004 — март 2005 г.

Диалог

Читатель: Ты, словно бог, задумался, поэт.
Тоска? Иль совесть мучает тебя?

Поэт: Да, горько на душе. Покоя нет.
Но я живу, людей Земли любя.

Читатель: А можно ли сегодня всех любить?
Не видишь жадность, ложь, подхалимаж?
Боишься чашу горькую испить?
Мы верили, что ты — ответчик наш...

Поэт: Да, я — ответчик. Но сейчас молчу.
Я тоже по теченью плыть хочу.
И жизнь красна. Народ повсюду пьян.
Забыл причины наших бед и ран.

Читатель: Но это же, поверь, самообман!
Ты что — смеешься надо мной, поэт?

Поэт: Смеюсь я только над самим собой.
Спасибо, друг. Я принимаю бой.

1986 г.

Тютчев

Самая ночная душа в русской поэзии — Тютчев.
Л. Блок

Идет в ночи июльской Тютчев
Среди полей, среди цветов.
К нему деревья тянут сучья,
Показывая царство сов.
Деревни спящие проходит
Под крики первых петухов.
Гудки колесных пароходов
Честь отдают до облаков.
Ложатся в душу все виденья
И звуки бедственной страны.
И будут мудрые творенья
Потом раздумия полны.
Идет он росною дорогой,
Пред ним заря встает венцом.
И чувствует —
перстами Бога
Он, одинокий, осенен.

23 сентября 2003 г.

Стихия сна

У сна всегда гривасты кони.

Своя гора —

над ней паришь.

В окно уходишь от погони,

А там — деревня

иль Париж.

1987 г.

Игреновые кони

Гусарский полк.
Игреновые кони.
Цветы,
Пленительные крики дам.
От зависти — мужчин цивилизных стоны.
Оркестра залихватский ураган.

Игреновая тройка.
Незнакомка.
Глаза ее —
Любви взывавшей — мечь.
Умчалась тройка.
Вдаль зовет поземка.
И ставь на беззаботной жизни крест.

Ах, кони белогривые России,
Летающие в пургу,
В огонь зари!
У них и взяли эти кони силу.
Они летят,
Восторженно свои.

8–9 декабря 2004 г.

В аэропорту

Я грезил о синих Саянах,
Я видел лазурный Байкал.
О, горы!
Их гребни чеканны,
Так горец чеканит кинжал.

Я вижу —
Саяны сияют,
Ступени до горних высот.
Кого же они ожидают?
Не мой ли подходит черед?..

28 июля 2004 г.

Вознесение

Столетний монах Парамон
Второй уже век начинает.
И все комарье он прощает,
Он видит серебряный склон.
И в белом, и ласков, и бос,
Спускается к речке Христос.
«Наверно, ко мне он спешит,
Я нынче — как лебедь на взлете.
Последние всплески души
Он примет при ясной погоде».
Лучится серебряный склон.
И белое облако взмыло,
И старца теплом окатило —
Он нынче к Христу вознесен.

20 декабря 2003 г.

* * *

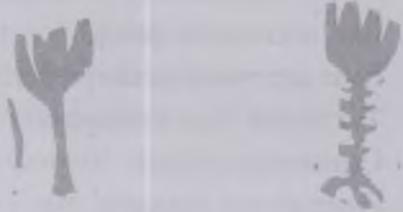
Я — радостный мученик Бога.
По воле его на Земле
Кремнистую выбрал дорогу,
В камнях она и золе.

Гроза меня гонит под крону,
И молнии близко горят.
Мне ведомы страхи и стоны
Деревьев, и птиц, и зверья.

Я вижу полей опустенье,
Я слышу тоску деревень.
Забытых властями затменя,
С бравадой хмельной в голове.

Душа моя — знак притяженья
Страданий и болей людских.
И в этом — мое вдохновенье,
И обретает паренье
Обласканный муками стих.

1987 г.

ПО ПРИКАЗУ

Позма

СТАЛИНА

(ИЗ ЖИЗНИ 1945—1947 гг.)

1

Был лосиный переход¹
Близ деревни нашей.
Тут зверей брал в оборот
Санчик, дядя Саша.
Говорит ему вдова,
К слову, тетка Анна:
— Где мой кум, ты был вчера,
Приходила рано?
И признаюсь как своя, —
Настояла брагу я.
Выпьешь только кружку —
Станешь звать подружку.
Крепче нет нигде такой...
Санчик ей:
— Кума, постой,
Я мужик ведь холостой,
Потому и гулевой.
Вдов в деревне много,
К ним моя дорога.
Где усладу чую,
Там и заночую.
Вот я... весь перед тобой.
Освети — резон какой?
— Едут в гости к дочке сваты.
Мы, конечно, с Галей рады.
Ну, а чем их угощать?
Нечего к столу подать.
Все взяла у нас война, —
Закручинилась кума. —
Лося надо... Просит дочь.
Сможешь только ты помочь...

---

¹Лосиный переход — место постоянного перехода лосей через реку, озеро.

С этим словом — бац на стол
 Литру спелой браги:
 — Это, чтоб в себя пришел
 Для мужской отваги.
 Крякнул Санчик: — Н-ну дела-а...
 Удружила мне, кума.
 Будешь за подружку,
 Дай-ка мою кружку.

2

В год голодный дядя Саша
 Многих спас в деревне нашей.
 Он Лосиный переход —
 Этот древний водный брод —
 Как спасенье, с детства знал,
 Потому оберегал.
 Здесь шалаш был у него,
 Для стрелка, для одного.
 Ждал в засаде он быка,
 Чтоб сразить наверняка.
 До деревни три версты
 Было,
     как и до беды,
 Коль увидит глаз чужой —
 Будет муки, бог ты мой!..
 Не докажешь прокурору,
 Что людей спасал от горя...
 Каждый куст здесь Санчик знал,
 Каждый камень и увал,
 По нему домой шагал.
 Нес лосятину он детям
 С золотушной горькой метой.
 Нес он вдовам, старикам,
 Он служил людским слезам.

Нынче Санька не один
В шалаше среди осин.
Рядом с ним сидит кума.
Ох, и баба! — сатана.
Прилепилась, словно лист,
Тот, который банный.
И теперь гляди, дивись
Этой силе странной.
— Что молчишь, как сыч лесной? —
От кумы исходит зной.
В сердце Санчика страданье:
«Завтра будет покаянье,
Если волю страсти дать.
Лось меня не будет ждать...
Не вдавайся в суету,
Ты — на боевом посту!»
И услышал Санчик плеск,
Напружинился он весь.
Знать, жива хватка,
Воинская хватка.
Миг —
и друга след простыл.
В теле Анны гаснул пыл.
Ничего не видно,
Стало ей обидно.
Но слышнее шумный плеск,
Словно расшумелся лес.
Выглянуть бы надо...
Вдруг как грохнет рядом.
Крик из Анны сам собой
Вылетел от страха.
И, махнув на шум рукой,
Съежилась,
как птаха.

И услышала она:
 — Выходи ко мне, кума.
 Надо тушу свежевать
 И скорее уплывать.
 В лодку сена положи...
 Сам над тушею кружил —
 Шкуру снял, распотрошил,
 Мясо в кучки разложил,
 Крикнул:
 — Рюкзаки достань!
 И сама на кучки глянь.
 Вот большая — это вам,
 Это — вдовам, старикам.
 Для меня тут доли нет,
 Глухаря возьму в рассвет.
 Ну, ясны тебе дела?
 — Чай, не дура, поняла.
 — Славно все. Да вот, кума,
 Лодка бы не подвела...
 Лодка их не подвела,
 Дома на заре была.

3

Дядя Саша воевал
 Снайпером на финской.
 Ленинград он защищал,
 Ранен был у Минска.
 Три звезды домой привез,
 Семь медалей звонких...
 Дом пустой.

И тих погост,
 Где жена с ребенком.
 Говорят ему, что грипп
 Их унес в могилу...

Так душа его болит,
Что терпеть нет силы.
Дня четыре Санчик пил
И на кладбище ходил.
Как-то раз свернул в правленьё
От тоски, уединенья.
Там сидел погодок Фрол,
Тоже две войны прошёл.
Без ноги, на костылях,
Тоже грудь вся в орденах.
Два солдата обнялись
Крепко, словно поклялись
Послужить деревне милой,
Лишь бы сил на все хватило.

4

Было голодно. Морозы.
Даже трескались березы.
Лед кололо на реке.
Тыл стоял — рука к руке.
Все для фронта! Для Победы! —
Этим жили жены, деды,
Даже дети, пацаны.
Дети — это плач войны.
Тыл — как фронт второй — держался,
Насмерть он стоять поклялся.

5

Наш колхоз «взял» у тайги
Шесть полей, три стана.
Рыбучасток у реки,
И... давай все планы!
Как справлялись? Не пойму.
Знамо Богу одному.

И теперь все те же планы,
 Нет убавки, хоть умри.
 От зари и до зари
 Ловим рыбу.
         Посмотри,
 Посмотри, товарищ Сталин!..

Помню, встретились в правленье
 Дядя Саша, дядя Фрол.
 — Принимай, брат, поздравленья,
 В генералы ты взошел. —
 Фрол с улыбкою бумагу
 Дяде Саше —
         и поклон.

Там указ, что за отвагу
 Бригадиром будет он.

Санчик пристально взгляделся —
 Правда: Сталин подписал.
 Но вопрос в душе вертелся:
 Как он про меня узнал?

Дальше — больше: все начальство
 Дяде Саше руку жмет.
 И забудь, мол, про бахвальство,
 Что от Сталина почет.

6
 Вновь «гремит» деревня наша —
 Хвалят всюду дядю Сашу.
 Планы вовремя даем
 И уверенно живем.

Но... ушла удача скоро,
Укатила, видно, к морю:
Там претеплые края...

Рыбы нет

день ото дня.

Невод тащится едва,
В нем теперь одна трава.
Санчик на пределе вроде.
И однажды при народе
Правду выложил свою:
— Рыбу выловили... всю.
Я иду сейчас в правленье,
Будем принимать решенье.

Дядя Саша — в думе смелой:
«Все бывает по судьбе.
За свою идею, дело
Стой до крайности в борьбе.
Реки тоже ведь устали,
Им пора бы отдых дать.
И о том товарищ Сталин
Должен от меня узнать.
Обойти начальство надо:
Могут делу помешать.
Из другого края, града
Нужно телеграмму дать».
Слава городу Кургану —
Разрешил дать телеграмму.

*«Москва Кремль Лично товарищу Сталину
Рыбу выловили всю Прошу рыбучасток временно закрыть
Дать природе отдохнуть*

С пролетарским приветом Пакишев Александр Тимофеевич бригадир фронтовик-орденоносец

*Деревня Рыбная
Ханты-Мансийского национального округа».*

7

Через два дня полуглиссер
Шумно к берегу пристал.
Секретарь райкома быстро
С красной папкой вышел к нам.
За рулем сидел в погонах
Молчаливый офицер.
Грузный секретарь райкома
Был лицом от качки сер.
Он в правленье. Мы гурьбою
За начальством, не спеша.
Дядя Саша, что с тобою?
Видим — охает душа.
На крыльце стоит. Как другу,
Жмет начальственную руку.
И сказал нам: «Не входить!
Тут секретно дело».
Мы привыкли смирно жить.
Отошли несмело.

Что они там говорили,
Не положено нам знать.
Мы при тайнах многих жили,
В этом — тоже благодать.

Вышел Фрол на костылях,
Санчик с радостью в глазах.
Шел конфузно секретарь,
От бумаг, видать, устал.

Андрей ТАРХАНОВ

Проводив начальство, Фрол
Санчика к себе увел.

Лишь позднее мы узнали,
Что прислал бумагу Сталин,
Где он Санчика хвалил,
За работу наградил.
И от Сталина — как знамя —
В той бумаге телеграмма:

*«Деревня Рыбная Ханты-Мансийского
национального округа
Лично бригадиру Пакишеву Александру
Тимофеевичу*

*Искренне благодарю за своевременную инициативу за хо-
зяйское отношение к природе В исчезновении рыбы виновато
местное начальство*

*Допустили очередной перегиб Меры примем Рыбучас-
ток свою задачу выполнил Пусть природа отдыхает
Вы Александр Тимофеевич заслужили орден Трудового
Красного Знамени Поздравляю
С пролетарским приветом*

*И. Сталин
Москва Кремль».*

22–25 февраля 2005 г.

ПЕПЕЛ

Поэма

СВЯЩЕННОГО
БОРА

Пролог

Стихнул шум ураганный пожара,
Деревенька сгорела моя.
В двадцать лет удивительно старый
Я стою у седого ручья.

Кружит пепел над бором сгоревшим —
Неизбывною песней моей.
Остается свидетелем вечным
Песни этой печальный ручей.

Нет в печали отчаянной проку,
Волю к жизни сейчас обрети.
Горстку пепла беру я в дорогу
И несу как тамгу¹ на груди.

---

¹Тамга — личный знак.

Блудный сын

Кедровник древний
 У речки Ил,
 Кольцом деревню
 Он окружил.
 Дома пустуют,
 И лишь в одном
 Мы жизнь лесную
 С отцом ведем.
 Мы егерями
 Остались тут.
 Пускай бобрами
 Ручьи цветут,
 Живут медведи,
 Глухарь поет...
 В колхоз соседний
 Свезли народ.
 Остался с нами
 Мой друг Бугров,
 Крещен снегами,
 Дымком костров.
 Мы тормовали².
 А на борах
 Всегда бывали
 При глухарях.
 Но нефтяная
 Пора пришла.
 И страсть шальная
 Свое взяла.
 Смуцал деньгами
 И орденами

²Тормовать — охотиться с лодки на лося.

Той нефти зов.
С буровиками
Ушел Бугров...

С прищуром синих
Холодных глаз
Рос парнем сильным
Бугров у нас.
И юной силой
Он козырял.
Копну на вилах
Он поднимал.
Твердил удаю:
«Свое возьму,
Что мне досталось
Лишь одному...»

Немало лиха
Хлебнув с тех пор,
Вернулся Миха
В священный бор.
Чернее вара
Ночь за костром.

«Играй, гитара,
Пока живем...»
Уснул он пьяный,
Горит костер.
И рвется пламя
Упрямо в бор...

Моление

Солнца рассветный венец
 Запламенел над сухарой.
 Ваза, мой старый отец,
 Вышел из дома устало.

Посох дорожный в руке,
 Празднична новая парка³,
 В берестяном туюске
 Идолу-духу подарки.

Ваза смешон, как бобер,
 Валкой походкой утиной.
 Тропка торопится в бор,
 С детства священный, старинный.

Идол насмешливо ждет,
 Ждет он подарков, суровый,
 Красен оскаленный рот,
 Красен от беличьей крови.

Знает мой древний отец —
 В чаше дрожат самострелы.
 В сторону шаг —
 И конец
 На семислойной постели.

В черных бездонных глазах
 Идола
 Гнев — повеленье.

³ Парка — меховая куртка.

С дрожью
В усталых ногах
Начал отец мой моление.

«Пася, добрый сородич великого Нуми⁴,
Речка Ил стала щедрой, как ты наказал ей.
От смородины черной она почернела,
От смородины красной протоки румяны.
Даже стерлядь из сора⁵ сюда приплывала.
Сеть мою, остроносая, спугала сильно.
Но улов был, признаюсь, сегодня счастливым.
Помасипа! Помасипа!⁶
Кара-йю! Кара-йю!⁷»

Много дал ты удач. Но рассказ не об этом.
Я тревогу принес тебе, добрый хозяин.
Ворон с крыши амбара кричал на кедровник,
Ворон трижды в окошко глядел мое ночью.
Видно, звал он в дорогу. Зачем? Я не знаю.
И закат был багровым, как спелая клюква...
Стой-ка, дымом пахнуло. Ках! — жженные ветки...
Ветер жаркий... Откуда так рано поднялся?
Мой хозяин, смотри-ка?! Мой хозяин, пожар!
Кара...»

⁴ Нуми-Торум — верховный бог манси.

⁵ Сор — большое заливное озеро.

⁶ Помасипа (манс.) — спасибо.

⁷ Кара-йю — непереводимое заклинание.

Пожар

С Вазою рядом упала
Листвень от красного ветра.
Нечем дышать ему стало
От налетевшего пепла.

Кружится огнище грозно,
Искрами, дымом чихая.
Но убежать еще можно —
Тропка жива боровая.

К речке, отец!
Но, смятенный,
К Духу ползет он, рыдая:
— Сила твоя огневая
Губит кедровник священный...

В жарком и душном сознанье
Облик последний остался:
Идол в багровом тумане,
Идол кроваво смеялся.

Пламя ревело, плясало,
Кедры на землю кидало...

Я тормовал.
Увидел за семь далей
Оранжевое пламя
В семь печалей.

Скорей туда,
Где пламя, боль, страданье,
Скорей на помощь! —
В том мое призванье.

На развилках дорог

Бугров азы буренья
 Давно познать сумел.
 Пуд соли, без сомненья,
 Он в этом деле съел.

И стали так привычны:
 Проныра-вертолет,
 Балок, спидолы тычка⁸,
 Бурвышки
                                 звонкий свод.

А верст за триста база
 От шумной буровой.
 Лишь ветровая трасса
 Ведет к себе домой —

До шумных общежитий,
 До ресторана «Ах»⁹.
 Скучают афродиты
 О денежных парнях.

Ах, дело делай лихо! —
 И деньги, и почет.
 Сегодня вахта Михи
 Гуляет, водку пьет.

Слывет Бугров везучим:
 Вчера на буровой
 Фонтан смирил ревучий
 Он со своей братвой.

⁸ Тычка — тонкая, гладко оструганная палка.

⁹ Ах — название реки.

А посему и слава,
И отдых вахте дан.
Официантка Клава,
Твой Миха нынче пьян?..

Берешь ты, Клава, сотки¹⁰,
А эти сотки — крик.
Я знаю —

не от водки

Он головой поник.

Поют, рыдают скрипки
В сиреновом дыму.
Являются ошибки
Как образы к нему.
Является священный
Кедровник с речкой Ил
И дом свой пятистенный,
Где с матерью он жил.

А впереди деревьев —
Худая, не узнать, —
Проходит тихо в двери,
Идёт старушка мать.

«Ах, мама, мама, мама,
Простительно взгляни.
Коль можно было, мама,
Вернул бы наши дни.

---

¹⁰ Сотка — имеется в виду сторублевый денежный знак.

В отцовском нашем доме
 Жила б себе, жила.
 Ты в даях незнакомых
 С печали умерла.

И сам я, мама, часто
 О доме
     думать стал,
 Как по снегам и насту
 В тайге соболевал.

Но счастье каждый ищет.
 И не у речки Ил
 Я за три года тыщи
 В сберкассе накопил.
 А с ними в жизни проще,
 Лечу —
     куда хочу.

Жену свою и тещу
 Потом озолочу...
 Оплакивают скрипки
 Кого?

    Не знаю я.
 Проклятые ошибки,
 Не мучайте меня!»

И — трах стаканом Мiха
 О ресторанный пол.
 А в ресторане тихо,
 Уже оркестр смолк.

Сомнения — отравы,
Когда в душе изъян.
«Ты не смотри так, Клава...
Я... не бываю пьян.

Тоска нашла такая,
Хоть волком тощим вой.
Пойдем к тебе, родная,
Пойдем к тебе домой».

Он люб по всем приметам —
Недельный ухажер.
Он Клаве люб.
Об этом
У них свой разговор.

Эпилог

Лось не боится жилья,
Лось у крыльца отдыхает.
Милые сердцу края,
Кто вас сегодня не знает!

Всюду грома буровых.
Но в этой новой метели
Нет мне дороже лесных
Песен березы и ели.

Я о былом не грущу,
Зла ни к кому не питаю.
Новый кедровник ращу,
Верен Природе и краю.

Семьи таежников вновь
Будут на родине в сборе.
Жду тебя, Миха Бугров,
С пеплом священного бора.

*1976–1977 годы
Доработана в январе 2005 г.*

Содержание

От тропы язычника к свету православия. *О. Дорогань* / 6

ПРАВО ПРИРОДЫ / 13

Спасенная бабочка / 14

Седьмой валун / 15

«Над рекою струится дымок...» / 17

«На скрещенье путей изначально...» / 18

Если будет Россия... / 19

Ночной ресторан / 20

Мышление ларька / 22

Встречное пламя / 23

Сухая гроза / 25

Песня и парус / 26

О сиротах / 27

«Мы ждем вас...» / 29

«Нету в лампе керосина...» / 30

На автобусной остановке / 31

В моленной избе / 32

«Я сразу Черныша узнал...» / 33

«Как быстро наплывают облака...» / 35

Право Природы / 36

Изначалие / 37

Галька / 38

Пророк Семенов / 40

«На этой заветной поляне...» / 43

Избушка / 45

Шуша / 46

«Снова музыка вызвала поле...» / 47

«Я взял с собой в дорогу нежность...» / 48

Два человека / 49

Ущелье / 50

О душе / 51

Пропавший день / 53

«Много было загадок разгадано...» / 54

Рожденный цунами / 55

«Базар всегда его смущает...» / 56

«К благоразумию людей...» / 57

Пчела и соловей / 58
Лесничий Лагутин / 59
Августовская гроза / 60
Янга / 61
«Боюсь сказать тебе «прощай»...» / 62
Серебряный бор / 63
Три залпа / 64
«У Кати Лель глаза обворожительны...» / 65
Прощенье / 66
«Эта листвень в расцвете и силе...» / 68
Дом писателей / 69
Ночной поединок / 70
Медвежатник / 72
«Пламенеет дорога заката...» / 73
«Однажды великодушно...» / 74
Видения / 75
В сенокос / 77
К любимой / 79
Береза и старик / 80
На заре / 82
«Близ Ванской дороги стоит Баязет...» / 83
Песня каюра / 84
Голос идущего ребенка / 85
«Метель в холмах Ханты-Мансийска...» / 86
Деревенские девки / 87
Ручей Вогулка / 88
Золотой абрикос / 89
На синем болоте / 90
«Прохлада вечернего лога...» / 91
«О Время, чувствую тебя!..» / 92
«На желтых листьях — седина...» / 93
К жене / 94
Спасительные кедры / 95
«У моря костерок горит...» / 96
«Ты идешь. Ты как волна...» / 98
И видит орлан... / 99
Воскресная верба / 100
Скит / 101
Иртыш / 102
«Есть удивленье — видеть мир...» / 104

ДЕНЬ БОРЕНЬЯ / 105

«Я пришел из священных лесов...» / 107

Сестры милосердия / 108

«Ты в руке держала ветку...» / 110

Казанский вокзал / 111

Предсказанье / 113

Березовские дали / 114

К тебе, столица / 115

Знак печали / 116

Утреннее явление / 117

Казнь / 118

«Деянья наши — в траурной кайме...» / 120

Забывтое кладбище / 121

Лейся, свет благословенья / 123

К Неве / 124

«Правителей мы возвышаем...» / 125

Повинны сами / 126

Герои России / 127

Березово / 128

Апрельское признание / 130

«Кого зовешь ты, птица гоголь?..» / 131

Семь идолов / 132

Гуманоид дед Егор / 133

«От порывов живительных ветра...» / 134

Гатчинские лиственницы / 135

Старинный тракт / 137

В Рождество / 138

Покинутая деревня / 139

«Близ дома Сергея Уклонова...» / 140

«Постанывая, лебеди летели...» / 141

На каникулы / 142

Прощальная тройка / 143

Исповедь первооткрывателя / 144

Сенькин завод. *По мотивам народной песни* / 146

Снежная буря / 147

Священные горы / 148

Голоса любви / 150

Чудотворные дали / 151

«Снега летят...» / 152

В зябкую ночь... / 153

«Троекуровский бор по ночам бедокурит...» / 154
Сатана / 156
Дорога в поля / 158
«Смеется над нами дитя...» / 159
Слово о финской войне / 160
Письмо другу / 163
Исповедь маньщика / 165
Природа смеха / 166
«Зачем ты смерти хочешь, бабка...» / 167
День укрощения огня / 168
Случится исход / 169
«Незабываемое утро...» / 171
Ночной поезд / 172
Причуды жизни. *С улыбкой* / 174
Каравелла в пути / 175
Небесный подарок / 176
Крым / 178
Прощай, моя шальная жизнь. *Романс* / 179
«На той стороне Тараскуля...» / 181
Таежная сказка / 181
«Рушит время любое жильё...» / 183
В Тамани / 184
«Снимая казенную маску...» / 185
Материнские сосны / 187
В угодьях Китайкина / 188
Обще-житие / 189
В Загорье / 192
Полевая межа / 193
В дороге / 194
Прощай, сентябрь / 195
«Лога дымятся, непогода...» / 196
Березовские лиственницы / 198
Маршал Жуков / 199
Вечный бой / 200

ЗВЕЗДЫ ЗОВУТ / 201

Седой простор / 202

Отшельник. *Из древнего* / 204

Орда / 206

С печалью о Грузии / 208

- «Я вижу сосновое прясло...» / 209
«Сквозь дождь пламенеют рябины...» / 210
Звездный час / 211
Белые образы. *Стихи, рожденные в грозу* / 212
Сосновая изба / 213
Воспоминание / 214
Столпник / 216
Костер / 217
«Стоял у страшной бездны я...» / 218
Письмо Федору Ивановичу / 219
Взаимосвязь / 221
Сияет неба луч / 222
По веленью кедрача / 223
Лазоревая суббота / 225
Воспоминанье в Пасхальную ночь / 226
К чернике / 227
Речка и я / 228
«Выручай, выручай, темнота...» / 229
«Ты читаешь окоем...» / 230
«Желанный праздник миновал в разлуке...» / 231
Священные амбары / 232
В стране озер / 234
«Я грусть несу, как яблоко раздора...» / 238
«Снегири поют — как плачут...» / 239
Волшебный свет колыбельной / 240
«Нет шумней в селеньях вести...» / 242
Священная сосна / 244
Птичьи сны / 246
«Мучительно трудно стихи...» / 247
Звезды зовут / 248
Земляничная поляна / 249
«Не спешите, друзья, расставаться...» / 250
Впервые / 251
«Вселенная ликует...» / 253
«Деревья зовут меня властно...» / 254
«Доверчиво шлет импульсы свои...» / 255
Печаль / 256
Ожидание / 257
«Я потерял поэта-друга...» / 258
«Мне там, на развилке путей...» / 259

«Когда на пойменном мысу...» / 260
У позабытой лутовины / 261
«К нам из Америки летел торнадо...» / 262
В Нягани / 263
«Утро бойкое, словно отвага...» / 265
Дружеское послание / 266
«На Пасху все явленьем жили...» / 267
Христос в пустыне / 268
Озеро Прощанье / 270
Исповедь человека, лишённого детства / 272
Шутки Беса / 273
В языческом кедровнике / 274
«Я тебя не забыл, Олеся...» / 276
Нездешний корабль / 277
Чувство родины / 278
В желтые ночи / 279
Диалог / 281
«Очаровала в Радужном меня...» / 282
Тютчев / 283
«Россия, ты в круте стоишь роковым...» / 284
Стихия сна / 285
«Озарены мы детством были...» / 286
Игреньевые кони / 287
В аэропорту / 288
Вознесение / 289
«Я — радостный мученик Бога...» / 290

ПО ПРИКАЗУ СТАЛИНА. Из жизни 1945–1947 гг. Поэма / 291

ПЕПЕЛ СВЯЩЕННОГО БОРА. Поэма / 301

Пролог / 302
Блудный сын / 303
Моление / 305
Пожар / 307
Встреча / 308
На развилках дорог / 309
Эпилог / 313

Тарханов А.С.

Т 22 День боренья. Стихи, поэмы. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2005. — 320 с.: ил.

ISBN 5-7529-0791-8

Новая книга Андрея Тарханова, известного мансийского поэта, лауреата Всероссийской литературной премии имени А.Т. Твардовского, — на три четверти состоит из написанных в последние годы, ранее не публиковавшихся стихов. Вошли в сборник и две поэмы автора. Широк поэтический диапазон А. Тарханова — от стихов о детстве, о родной северной природе, о любви — до тревожных раздумий о судьбах страны и народа, о нелегком, тернистом пути к Истине и Вере...

ББК 84Р7Ма

Тарханов Андрей Семенович
ДЕНЬ БОРЕНЬЯ
Стихи, поэмы

Редактор М.П. Немченко
Дизайн и оформление В.С. Солдатов
Корректор М.Ф. Худякова
Компьютерная верстка Л.В. Кострикова

В художественном оформлении использованы рисунки художников:
Г. Райшев (переплет), П. Беляев, А. Еременко, А. Кондакова, К. Кимошко,
В. Никитина, Е. Соловьева, А. Салаткин, В. Семенов, В. Уза, Н. Яковлева.

Лицензия на издательскую деятельность
АР № 06534, выдана 16.01.2002 г.

Подписано в печать 03.10.2005. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Garamond.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20. Уч.-изд.л. 11,5.
Тираж 1000 экз. Зак. 2134.

ОАО «Средне-Уральское книжное издательство»,
620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 24

Отпечатано с готового оригинал-макета на ФГУИПП «Зауралье».
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106. E-mail: zpress@zaural.ru

097722005
Окружная библиотека

Российский поэт
Андрей Тарханов
родом из
кондинских манси.
Глубоко усвоив
классические
традиции
русской поэзии,
он пишет
на русском языке,
придавая ему
певучесть
мансийского.
Не зря про свой
народ он говорит:
«Народ певучий,
сказочник
и чародей».

Екатеринбург
Средне-Уральское
книжное издательство
2005

